

ЮРИЙ НИКИТИН

Человек
из будущего

К О Н Т Р О Л Е Р

Контролер

Юрий НИКИТИН

Человек из будущего

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Никитин Ю. А.

Человек из будущего / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2016 — (Контролер)

ISBN 978-5-699-89607-3

Девяносто девять процентов населения мыслями и чувствами еще в XX веке, потому к таким, как Владимир Лавронов, зачастую относятся со сдержанной враждебностью... И это в лучшем случае. Неудивительно, что и в собственной стране Лавронову приходится жить, как на густо заминированной территории: смотри под ноги и по сторонам, следи за тем, что говоришь, врага уничтожай быстро и безжалостно, с побочными потерями не считайся, ведь этих двуногих на планете – восемь миллиардов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89607-3

© Никитин Ю. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Никитин
Контролер. Книга четвертая.
Человек из будущего

© Никитин Ю., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть I

Глава 1

Мещерский выглядит несколько не в своей тарелке. По его виду понятно, что-то стряслось, но это заметно лишь мне да, возможно, нашему штатному психологу.

Он кивком пригласил в свой кабинет, включил глушилку и сказал, понизив голос:

– Владимир Алексеевич, сядьте, пожалуйста. И возьмитесь за подлокотники. Или обопритесь о стол.

Я сел, спросил с интересом:

– Давайте вашу новость.

– Вам, – сказал он непререкаемым тоном, который я очень не люблю, – предстоит лететь в Штаты. Сегодня.

– Ого, – ответил я. – Значит, моя молитва, что пора наладить самые плотные связи с их секретными службами, попала богу в уши?

Он чуть запнулся, но тут же светски и почти естественно улыбнулся.

– Попала, Владимир Алексеевич. Попала. Еще как попала! Видимо, чтобы это у вас лучше прошло, он и устроил небольшое землетрясение у берегов Америки.

Мне он показался чуточку смущенным, тоже мне интеллигент, за американских людей переживает, но ответил ему с беспристрастной твердостью ученого:

– Там это обычное дело, Аркадий Валентинович. В Калифорнии в год около тысячи мелких землетрясений, несколько средненьких и два-три полукрупных. Видимо, что-то необычное?

– Дело в том, – сказал он, – что землетрясение подводное...

– Еще легче, – сказал я успокаивающе. – Небольшая волна пойдет на берег. Если землетрясение не ого-го, то мало кто заметит даже на пляже.

Он вздохнул.

– Это заметят.

– Что-то стряслось? – поинтересовался я с вежливым интересом.

– Даже очень, – ответил он. – Разлом прошел как раз по нашей закладке с атомными минами. К счастью, не вдоль, а поперек. Но одну мину зацепило крепко. Взорваться, конечно, не могла, такое возможно только по сигналу от нас, но вырвало из грунта и теперь волнами катит к берегу. Через несколько часов прибьет.

– К отмели?

– Да, в зону песчаных пляжей. Выкатит на сушу, а там на нее наткнутся быстро. И еще неизвестно, кто будет первым.

Я бы присвистнул, если бы умел.

– Ого. Местные умельцы наверняка постараются побыстрее разобрать такую диковинку... пока власти не нагрянули. Местные фермеры все приспособят для коровников.

Он сказал успокаивающе:

– Взрыва не будет, повторяю, если вы о нем подумали. Даже если разберут все-все прямо в сарае... Но ситуация отвратительная, как вы понимаете.

– Начинаю догадываться, – пробормотал я.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

– Владимир Алексеевич, мы надеемся, вы с вашим талантом улаживать щекотливые дела не просто сгладите впечатление, но и вообще убьете, как обычно делаете, двух, а то и больше зайцев.

– Аркадий Валентинович?

Он пояснил:

– Установите связи с секретными службами, мы дадим рекомендательные письма... по особым каналам, и заодно развеете неприятное впечатление из-за этого... инцидента. Скажете, никто применять не собирался, это закладка со времен... ну, старых времен.

– Хрущевских? – спросил я с сомнением. – Вроде бы эту идею академика Сахарова, как он ни пробивал ее в верхах, отвергли?

Он ответил с неохотой:

– В том-то и дело, что да, тогда отвергли.

– Ого, мина более новая?

Он вздохнул.

– А что нам оставалось делать, когда их военные базы все ближе и ближе?.. В общем, постарайтесь сгладить впечатление и как-то не дать ухудшиться ситуации. Я на вас рассчитываю, вы сумеете даже проигрышную ситуацию повернуть в нашу пользу!.. Билет уже заказан. Вылет через два часа. К сожалению, из-за разницы во времени прилетите вечером, в конце рабочего дня.

– А следующий рейс?

– Завтра в это же время. Хотя есть не прямой, что доставит вас завтра в обед.

Я поколебался, покачал головой.

– Лучше уж сегодня. Завтра мину может выкатить на берег, верно?

– Хорошо, – ответил он, – если на нее наткнутся просто пляжники. Но и среди них могут оказаться очень практичные люди. Это же, знаете ли, протестантская этика...

– Все понял, – ответил я. – Лечу сейчас. Правда, мышей не успел покормить...

– У вас автоматическая кормушка, – напомнил он. – И поилка.

– Все-то вы знаете, – ответил я с обидой. – Разве можно за своими следить так плотно?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Владимир Алексеевич, а вы еще не ощутили, что находитесь достаточно высоко в нашей иерархии?

– Да я пошутил, – сказал я. – Прекрасно понимаю, устанавливайте камеры где угодно. Скоро так будет в квартирах каждого, чего бы я стал возражать против победной поступи прогресса?.. Но насчет Америки, мне кажется, это слишком серьезно, чтобы мне решать такие вопросы, как эти мины.

– Почему?

Я пояснил:

– А кто меня воспримет всерьез?.. Да и вы не сможете предоставить мне такой статус.

– Верно, – признался он, – но мы не зря называемся секретными службами. Что значит никаких документов, переговоры обычно негласные... а если и частично гласные, то все равно не для прессы. Однако мы доверительно сообщим через свои каналы, что вы вовсе не рядовой сотрудник... пусть гадают, какое место занимаете в нашем ведомстве. Так даже лучше. Они знают, что у нас нередко ключевые посты не за теми, у кого на погонах звезд больше... Владимир Алексеевич?

Я поднялся, кивнул.

– Вопросов больше нет. Машина внизу?

– Подъезжает, – ответил он и протянул руку, прощаясь.

Выйдя из его кабинета, я еще из коридора позвонил Геращенко – если что, пусть ищет меня в Штатах, дал по скайпу распоряжения своей команде в отделе по ликвидации глобальных катастроф, которые они упрямо называют Центром, намекая на будущий рост.

Никто поездке на другую сторону планеты особенно не удивился, теперь мир без границ, хотя на штатовской таможне надо предъявить кучу документов, проверят от и до, заглянут в желудок и в задницу в поисках бомбы, сравнят с фотографиями всех разыскиваемых преступников мира, а если все же пропустят, то с таким видом, что позволили попасть на их святую землю пока еще не попавшему в списки самому опасному гаду на свете, что всех перебьет, наскрет на центральной улице и ударит палкой собаку президента.

А так, да, мир без границ, хотя теперь границы не только в воздухе, но и в космическом пространстве.

К подъезду подкатил автомобиль, рослый шофер в хорошо подогнанном костюме и при галстуке вышел и, обойдя со стороны багажника, распахнул дверь с таким видом, словно повезет президента.

Я сбежал с крыльца, из окна вроде бы смотрит Мещерский, но пусть смотрит, я же знаю, едва отъедем, позвонит с последними инструкциями.

Автомобиль мягко выкатил на трассу, а дальше, как я и предположил, на спинке переднего сиденья вспыхнул экран, я узнал кабинет Мещерского. Из коридора вошел в неизменно элегантнейшем костюме от Гриффина Бримли высокий красавец Бондаренко, заведующий общим отделом, образцовый шпион и джентльмен старых фильмов, с приятной улыбкой и развитой мускулатурой, хотя пистолетную кобуру в подмышечной впадине замечаю даже отсюда.

За ним в проеме показалась толстая и красная морда генерала Кремнева, следом вошел аристократ, что элегантностью посрамит и Бондаренко с Мещерским, весь элитный и сдержанно консервативный от и до майор Бронник, второй помощник Мещерского.

Мещерский сказал с экрана быстро:

– Все в сборе!.. Владимир Алексеевич, делаем в спешке, но у нас надежда, что вы, как человек хорошо разбирающийся в людях и ситуациях, сумеете на месте сориентироваться и выбрать наилучшую линию поведения.

Все четверо уставились в экран, будто сейчас вытащу из шляпы ушастого зайца.

Я ответил в некотором затруднении:

– Так я еду устанавливать связи с разведками насчет глобальных катастроф... или же предупреждать о мине?

Бондаренко вздохнул, у Кремнева вид таков, что выругается, а Мещерский ответил, как мне показалось, в затруднении:

– То и другое, и мы даже не можем сказать, что для нас важнее. Стратегически важнее насчет глобальных катастроф, но мину катит к их пляжам волнами именно сейчас...

– Понял, – ответил я. – Для них этот вопрос будет тоже важнее всех прочих. Хорошо, сосредоточусь на нем. А насчет глобальных катастроф... я там буду искать встречи со специалистами, а вы пока налаживайте связи с ЦРУ.

Бондаренко поинтересовался сдержанно:

– А с МИ-6, ИЗИ, РАВ?..

Я отмахнулся.

– Те поверят Штатам на слово. А не поверят, все равно подчинятся. Нам же придется предупреждать ЦРУ о своих ударах с воздуха, объясняя и предоставляя материалы.

– А о диверсионных группах? – уточнил Бронник тихонько.

Я притворился, что не заметил ловушки, посмотрел с удивлением.

– Зачем? Я думал, вы знаете, что тайные операции потому и называются тайными. О них не стоит докладывать даже нашему правительству. Там тоже болтунов хватает. Объявлять заранее нужно о том, чего все равно не скрыть. Это запуск «Сатаны» не спрячешь, заснимут не только место удара и взрыв, но и посекундно проследят на радарх, откуда выпущено. Потому полное объяснение, зачем и почему, все-таки в данном вопросе у нас со Штатами абсолютно

никаких разногласий. Разница в том, что мы жестче и решительнее, а они пока что рассуждают, как это делать с наименьшими потерями.

Кремнев сказал с отвращением жестким голосом:

– Штаты – все еще благополучная страна, это ее и губит. У нее не было ни двадцати миллионов погибших в мировую войну, ни опустошающих революций, ни чудовищной ломки режима, ни дефолта... Потому мы злее и крепче, а также готовы выдерживать новые испытания.

– Да, – сказал я коротко, – да, конечно.

Он взглянул на меня угрюмо и сказал весомо:

– Я в своем штабе проработаю варианты ударов с кораблей. Вы там сосредоточьтесь насчет атомной мины.

Мещерский сказал с предостережением в голосе:

– Генерал...

Кремнев пояснил:

– Наш москитный флот сейчас, к ужасу наших противников, расползается по всем морям и океанам. Доктрина авианосных групп устарела: один крохотный кораблик одним залпом уничтожит и пустит на дно любой авианосец, и никто не в состоянии перехватить его гиперзвуковые ракеты.

Бронник кашлянул, прерывая Кремнева, сказал деликатно:

– Генерал, это прекрасно. Но мы сейчас бьем не по Штатам, хотя и хочется, признаю, эти наглые ублюдки всех достали, а вместе со Штатами намерены бить по явной и непосредственной угрозе, что может стереть с лица земли и нас, и Штаты. И всяких там разных шведов, если еще есть такая нация.

– Под Полтавой были, – блеснул эрудицией Бондаренко, – хотя Полтава вроде бы не в Швеции. А потом... не знаю. Куда-то делись, наверное.

Мещерский сказал со вздохом:

– Хорошо бы наладить со Штатами взаимный обмен.

– Обмен шпионами налажен, – напомнил Бронник.

– Я говорю, – уточнил Мещерский, – у них богатая сеть специалистов, раскинутая по всему миру. Нам бы их данныегодились.

– Даже у нас разместили пару миллионов, – буркнул Кремнев и, поймав его недоумевающий взгляд, пояснил: – Пятая колонна, что открыто принимает гранты от ЦРУ как бы на демократические реформы и открытое для штатовцев общество.

– Да, – согласился Бронник, – денег у них полно. Доллары сами печатают сколько хотят. Жулье!.. Но, думаю, особо возражать не будут, если ударом с корабля снесем какую-то лабораторию в горах Шри-Ланки или Цейлона. Лишь бы прислали им описание, кого и за что.

Кремнев сказал зло:

– А чего мы перед ними должны отчитываться?

– Международный жандарм, – напомнил Мещерский с улыбкой.

– Мы не слабее!

– Жандарма тоже можно завалить, – согласился Мещерский, – но в поимке опасных преступников лучше сотрудничать. Только сперва нужно встретиться, договориться, утрясти спорные вопросы и сгладить острые углы. Надеюсь, доктор Лавронов справится.

Они все четверо снова повернулись к экрану, я ответил как можно увереннее:

– Я же не дипломат!.. Так что буду только о деле. Нашем общем со Штатами. Если в самом деле настолько деловые, как хвастливо сообщают о себе, то должны понять наши доводы.

Мещерский сказал со вздохом:

– Все, подъезжаете к аэропорту. Успеха вам, доктор!

Глава 2

В полете над океаном ничего интересного, да и не первый раз в Штаты, приходилось бывать на конференциях, посвященных операциям на ДНК, так что даже задремал, а проснулся, когда стюардесса веселым танцующим голосом велела пристегнуть ремни – самолет идет на посадку.

Внизу у трапа поджидает моложавый мужчина в гражданской одежде. Я сразу понял, кого именно встречает, по его прицельному взгляду, что поймал меня еще на трапе и не отпускал до последней ступеньки.

– Мистер Лавроноф? – сказал с подъемом, слегка растягивая слова, что выдает в нем уроженца Юга. – Я Джон Арнольд, послан встретить вас и доставить на место встречи!

– Прекрасно, – ответил я, успев подумать, что «Арнольд» для россиян больше ассоциируется с именем, – но, может быть, сперва в отель, где брошу вещи?

Он широко улыбнулся.

– Зачем лично?.. Закажите по скайпу. А вещи можно отправить прямо сейчас... Кстати, а где ваш багаж? Мы поторопим.

– Все со мной, – ответил я. Он посмотрел в изумлении, я покачал головой. – Омниа мэа мэкум порто, как говорили древние римляне. Все мое ношу с собой. Я не жить приехал. Что вещи... Человек тоже вещь ценная, хотя кто об это помнит?

Он улыбнулся чуть растеряннo, нас, докторов наук, военные и силовики понимают как-то не так, ответил вежливо и даже почтительно:

– Нам в эту сторону... Кстати, у вас прекрасный английский.

– У вас тоже, – ответил я любезно.

Он покровительственно улыбнулся.

– Но я американец...

– Но и английским владеете неплохо, – похвалил я снисходительно. – Чувствуется обучение в частной школе. Поторопимся?

– Да, сэр.

Придерживая меня под локоть, он повел к выходу с летного поля. Я поглядывал по сторонам, но, похоже, такое здесь в порядке вещей, это хоть и гражданский аэропорт, но настолько близко к Пентагону и ЦРУ, что пользуются им практически только военные, а у них свои причуды, секреты и страшные тайны.

За пределами аэропорта из крупного черного лимузина вышел водитель и остановился у двери, глядя в нашу сторону. Когда приблизились, умело и вышколенно распахнул перед нами заднюю дверь, при этом выпуклость под мышкой обозначилась четче.

Джон пропустил меня вперед, в лимузине достаточно просторно, чтобы вытянуть ноги, передние два сиденья отделены прозрачной стенкой, с виду хрупкой, но, как понимаю, пуленепробиваемой и вряд ли такую просадишь даже топором.

Когда выкатили на дорогу, я посмотрел по сторонам.

– Едем не в ЦРУ?

Он ответил с замедлением:

– Нет. У нас решили не привлекать к вашему визиту внимания.

– Да, я мелкая сошка, – заметил я скромно.

Он кивнул.

– Дело не в этом. Как вы знаете, любого входящего и выходящего из здания наши противники тайно снимают с дальнего расстояния, вносят в базы, заводят досье. Потому, чтобы затруднить им действия, в здание ЦРУ нередко привлекают совсем посторонних людей, пусть

над их фото ломают головы команды спецслужб других стран. А своим встречи назначают только на конспиративных квартирах...

– ...которые постоянно меняются?

– Верно.

– Так мы на конспиративную?

Он покачал головой.

– В Пентагон.

Я тоже умолк, никому в мире объяснять не надо, что такое Пентагон. Это такое же олицетворение, как Кремль или Москва, хотя Пентагон – всего лишь здание в форме пятиугольника, потому и пентагон, а Кремль всего лишь здание в виде кремля, каких немало по России, как тот же Ростовский кремль, Белгородский и прочие-прочие.

В Пентагоне угнездились Министерство обороны Штатов, но американцы привыкли все сокращать и упрощать, потому Пентагон – это все, что относится к военным, а Кремль – это все тоталитарное и антидемократическое.

Да, так им жить проще, американцы – очень простая нация. А прогресс двигают либо понаехавшие иностранцы, либо редкие уникалы вроде гениального Маска, который вообще-то понаехавший тоже... К счастью для земной цивилизации даже одного человека бывает достаточно, чтобы приподнять весь наш биологический вид на ступеньку выше.

Пентагон не в Вашингтоне, как считается, а в городке Арлингтон, хотя и недалеко от Вашингтона.

Я не смотрел по сторонам, Штаты не Европа, архитектурой не блещут, здесь конек хайтек, где они впереди планеты всей, а такое не всегда заметно из окна автомобиля.

Джон, который Арнольд, с любопытством поглядывает на меня, лицо простецки американское, наконец вежливо поинтересовался:

– Как вам Штаты? Вы увидите, у нас очень богатые музеи. Даже богаче, чем в Европе.

– Если честно, – сказал я, – мне все эти музеи до задницы.

Он охнул.

– Что так?

– В музеях, – пояснил я, – только старый хлам, который простой народ послушно считает чем-то ценным. Но когда спрашиваешь, чем же ценный, начинает мямлить что-то про историю, в которой тоже ни уха ни рыла.

– Гм, – сказал он в затруднении, – а я хотел похвалиться нашей культуркой...

– Она вся в хай-теке, – ответил я. – Здесь вы лучшие, а весь мир смотрит с надеждой и завистью. Вам есть чем хвалиться, не оглядываясь на старый Запад.

Он чуть приободрился, хотя и выглядит малость сконфуженным. В Сети я ничего не нашел о нем, что и понятно, хоть и самая мелкая сошка, но все же цэрэушник, потому все личные данные в файлах ЦРУ, а там у них своя сеть, изолированная от глобального Интернета.

Вскоре впереди показалось самое крупное, даже крупнейшее офисное здание в мире. Работают там, как сказано в справочниках, тридцать тысяч человек, хотя сколько на самом деле и сколько из них действительно работает, не знает и сам министр обороны.

Зато несколько тысяч абсолютных бездельников, устроенных туда по протекции родни, говорят многозначительно и с гордостью, дескать, работаю в Пентагоне, и тут же умолкают, пусть додумывают остальное. Не признаваться же самим, что разносят бумаги по почти тридцатикилометровому коридору.

Работу сканеров я ощутил еще задолго до момента, когда мог бы представлять для Пентагона угрозу. Редкие прохожие, что идут мимо в поле зрения сканера, на отвратительное мрачное здание внимание не обращают, всего пять этажей, высота двадцать три с половиной метра, на небоскреб не тянет точно, и не важно, сколько там этажей вглубь, в счет идет только то, чем можно ткнуть соседа в глаза.

Джон с некоторым запозданием ответил на запрос «свой – чужой», хотя чего это я придираюсь, он не чувствует излучение радара, это я сразу уловил сигнал опознавателя, а Джон еще и потому не спешит, что мы далеко, к тому же знает, и после ответа все равно следящая аппаратура не отпустит, проведет до стоянки, где тут же, едва выйдем из автомобиля, тщательно обмерит с головы до ног и пошлет данные на сервер.

Думаю, по прибытии мы еще не успели отойти от автомобиля и на шаг, как в базах данных быстро и с маниакальной подозрительностью, что с компьютеров возьмешь, сличили все-все, что только можно засечь при визуальном осмотре, но пока ничего подозрительного, хотя, понятно, слежка за нами будет продолжена и в самом здании.

– Нам в левое крыло, – сказал Джон. – Так ближе.

Я поинтересовался:

– Это в него засадили самолет романтики из Саудовской Аравии, вашей самой дружественной страны?

Его лицо мгновенно дежурно омрачилось, произнес торжественно и почти перешел на церемониальный шаг.

– Да, здесь помещалось командование Военно-морских сил. Здание рухнуло почти целиком.

– Ну, не совсем, – уточнил я, – только часть...

– Погибло сто двадцать пять человек, – сказал он трубно, – не считая шестидесяти четырех пассажиров авиалайнера.

Я сказал успокаивающе:

– Вы правы, чего их считать. Так, побочные потери, хоть и американцы, а не какие-то шведы. А своих сотрудников, да, жалко.

Он бросил на меня растерянный взгляд.

– Здание восстановили, но теперь в этом крыле создан мемориал в память погибших наших сотрудников и пассажиров самолета.

– И пассажирам? – переспросил я.

Он кивнул, сказал уже по-американски деловым голосом:

– Ну да, а чего им отдельно? Общий дешевле.

– Всего-то пару слов на доске дописать, – согласился я. – Ваша нация умеет деньги считать. Немцы, принесли свое протестантство, сделали этот народ великим.

Он, судя по его лицу, не понял, при чем тут какие-то немцы и какое-то протестантство, если он по штату гей, и сказал с той же надлежащей торжественностью:

– А возле здания построен мемориал, как вы могли заметить...

– Еще бы такой не заметить, – сказал я.

– ...в виде парка со ста восьмьюдесятью четырьмя скамейками. Все торжественно обращены лицом к зданию, где погибли... Люди погибли, не скамейки, а то все из Европы придрочивые.

– Прекрасный парк, – согласился я. – Только не понял, почему сто восемьдесят четыре, если погибли сто двадцать пять ваших и шестьдесят четыре каких-то там никому не нужных пассажиров?

Он спросил испуганно:

– А сколько должно быть?

Я отмахнулся.

– Наверное, плохо считаю. Или это военная тайна. Все-таки Пентагон – не какая-то никому не нужная Лига Наций. Или ООН. А то и вовсе, стыдно выговорить, МАГАТЭ.

– Видимо, да, – сказал он с облегчением.

– Здесь все строго, – согласился я.

– Очень!

– Хотя военный министр почему-то гражданский.

Он на миг запнулся.

– Наверное, это с чем-то связано...

– Половой ориентацией, – предположил я. – Военные все-таки военные, а гражданские как бы гражданские... Гражданские всегда злее.

Он спросил нерешительно:

– Это результаты опросов?

– Психологии, – пояснил я. – Не им же воевать, это военные все предпочли бы миром, чтобы служить и не воевать. Жалование у ваших военных такое, что лауреаты нобелевских премий завидуют!

– А какая отдача от лауреатов? – спросил он. – Военные одним своим видом и высоким жалованием страну защищают.

Я кивнул на большую группу разношерстных людей у главного входа.

– Туристы?

– Да, – ответил он, – нам придется пройти с ними, чтобы не привлекать внимания.

Я кивнул, хорошая мера предосторожности, в Пентагон прут экскурсии за экскурсиями со всех концов страны и мира. Шпионы разорятся снимать всех входящих, вносить в базы, а потом долго и тщательно сверять портреты и прочие антропологические параметры, пытаясь установить, кто из них шпионнее.

На входе снова охрана, но больше декоративная, слишком мундирные, рослые и красивые. Явно наняли из службы эскорта знатных дам, одели в мундиры и велели стоять у входа со значительными лицами.

Здесь, как и везде, главное – сканеры и следящие за мимикой камеры. Мы прошли мимо неподвижных часовых, этих красавцев и тех, что дальше в коридоре, но и те тоже для красоты и значимости, настоящие стражи теперь везде незримы.

На нас никто и не взглянул, народу как муравьев, вот куда уходят деньги налогоплательщиков, да и наши тоже, доллары покупаем за рубли, поддерживая их проклятую валюту... которая на самом деле вообще-то нужна всем, но как не побурчать, это же чуть ли не единственное право, что осталось в странах свободной демократии.

– Нам сюда, – сказал Джон. – Не отставайте.

Мы сдвинулись за колонну в каком-то стиле, а там по коридору, где охранник кивнул ему молча, свернули за угол, лифт тут же приглашающе распахнул блестящие створки.

В кабинке Джон сказал успокаивающе:

– Это недолго. Здание спроектировано так, что в самый дальний уголок можно попасть за семь минут.

– Но мы идем не в самый дальний?

Он широко, по-американски улыбнулся.

– Прибудем через две минуты!.. Хотя длина коридоров тридцать километров.

– Ого, – сказал я, – а я слышал, только двадцать восемь.

Он смутился только на долю секунды, сказал почти с российской беспечностью:

– Просто округлил. Мы же американцы, а не какие-то немцы.

– Где встреча? – поинтересовался я. – В надземных или подземных этажах?

Он снова улыбнулся.

– Что вы, какие подземные?.. На самом верху! Можно сказать, пентхаус. Кстати, мы ехали долго, показать вам туалет по дороге?

– Который для белых, – поинтересовался я, – или для черных?

Он натянуто улыбнулся.

– Сейчас это уже несущественно. Хотя, чтобы показывать свою мультикультурность, белые сотрудники Пентагона все чаще предпочитают демонстративно посещать туалет для черных.

– И как?

Он кивнул.

– Вы правы, малость раздражают работающих здесь афроамериканцев.

Мы прошли молча мимо ближайших туалетов, их здесь вдвое больше, чем полагается на тридцать тысяч человек, туалеты для белых и черных при строительстве Пентагона располагали отдельно.

– Жаль, – сказал я невинно, – что президент Рузвельт всей своей властью сумел запретить вешать таблички «Для белых», «Для черных». По стране они у вас еще висели двадцать лет!

Он дернулся, посмотрел с неуверенностью.

– Почему... жаль?

– Могли бы показывать туристам, – сказал я, – как пример того, как много ваша страна сделала, чтобы уничтожить неравенство. У вас даже президентом побывал негр, половина программистов негры, и вообще негры, судя по фильмам и сериалам, самые умные и рулят во всем. В Америке и Зимбабве.

Он сказал неуверенно:

– У нас говорят «афроамериканцы».

– А я не подданный вашего президента, – напомнил я. – Так что завидуйте нашей свободе слова молча.

Мы прошли мимо двух десятков дверей, наконец он сказал бодро:

– Сюда, в этот зал.

– Там отдел ЦРУ? – спросил я шепотом.

Он покачал головой.

– Нет, просто даже местные не должны знать, кто вы и к кому прибыли.

Он распахнул передо мной, как перед королем, двери. Из помещения пахло величием, словно я попал в зал для приемов важных дипломатов времен королевы Екатерины.

В комнате прохаживаются вдоль стены с дисплеями от пола и до потолка вельможи, это первое и самое сильное впечатление, хотя почти у всех на плечах четырехзвездные погоны.

В нашу сторону покосились только двое, остальные занимаются обсуждением, судя по их виду, как распорядиться с этой мелковатой для их замыслов вселенной.

Джон кивнул этим двоим, они быстро подошли, Джон сказал негромко:

– Я доставил вашего гостя, сэр Чарльз.

Тот, к кому он обращался, сказал отрывисто:

– Спасибо, Джон. Можете идти.

Джон поклонился и незаметно вышел в коридор, а сэр Чарльз протянул руку.

– Чарльз Карпентер, младший агент. А это мой коллега Грег Робинсон.

Грег тоже протянул мне руку и сказал тихо:

– Уходим.

Ладонь его горячая и крепкая, будто из хорошо просушенного дуба, и, продолжая пожимать мои пальцы, вывел меня в коридор и, похлопывая по плечу, указал взглядом на дверь наискось напротив чуть дальше.

Глава 3

Мне показалось, что даже здесь, в коридорах Пентагона, оба стараются не привлекать к себе внимания и, только переступив порог, почувствовали себя свободнее. Хотя, как вижу, никаких глушилок, наблюдение за нами ведется в обычном режиме. Вернее, запись, которую по необходимости можно просмотреть позже.

Комната представляет собой скудно обставленный рабочий кабинет, один-единственный стол, четыре экрана: один на столе и три на стене, полдюжины стульев.

У стены двое немолодых бывалых парней, а из-за стола поднялся плечистый и крепкий мужчина с квадратной челюстью, протянул мне руку.

– Дуайт Харднетт, – назвалса он. – Старший агент. Нас предупредили, что вы с неофициальным визитом, что хорошо, так что все будет быстрее и проще. Позвольте представить моих коллег... Грант Чарльстон и Крис Дейли, агенты по особым поручениям.

Я пожал обоим руки, за моей спиной молча стоят Чарльз Карпентер и Грег Робинсон, что всего лишь младшие агенты. Они с Грантом и Крисом обменялись кивками, я сказал вежливое:

– Очень приятно, коллеги.

Дуайт сказал отрывисто:

– Прошу садиться. Мистер Лавроноф...

Я чуть сдвинул предложенный мне стул, чтобы обозначить свое личное пространство, но остался стоять, обвел их взглядом. Все пятеро смотрят внимательно и ожидающе.

Понятно, встреча проходит в абсолютно секретном режиме, хотя, конечно, все пишется в высоком разрешении, чтобы специалисты проанализировали и мою мимику, а не только слова и жесты.

– Коллеги, – сказал я, – а также друзья, так как у нас один враг, и, чем плотнее будем сотрудничать, тем быстрее с ним покончим. Я имею в виду не только простой терроризм...

Крис Дэйли уточнил:

– Что вы называете простым?

– При котором страдают посетители кафе или школ, – ответил я. – Даже одиннадцатое сентября, как ни покажется вам кошунственным, простой терроризм в сравнении с тем, когда под угрозой не школа или стадион, даже полный зрителей, а существование всего человечества.

По их лицам увидел, уже работают над этой проблемой, но пока больше в плане обсуждения и недопущения, ясно, издержки болтливой демократии.

Дуайт Харднетт сказал быстро:

– Ваши предложения?

– Есть, – ответил я. – И очень серьезные. Позвольте, сделаю первый шаг к сотрудничеству и поделюсь информацией. Помимо множества угроз в различных точках мира, мы обнаружили на территории вашей страны несколько мест, из которых идет явная и неприкрытая опасность.

Дуайт сказал с легкой улыбкой:

– Поделитесь с нами, коллега, что же происходит в нашей стране, чего мы не знаем...

– И о чем ГРУ знает лучше, – добавил Крис с откровенной насмешкой.

– Охотно, – ответил я. – Охотно. Как вы знаете, как бы мы ни расходились в выборе дорог к будущему, но расхождения наши не так велики, как могут показаться простому обывателю, которого журналисты пичкают страшилками во имя поддержания тиражей и рейтингов. Мы кровно заинтересованы, чтобы Штаты усиливались и продолжали свой победный путь к прогрессу... Потому вот первая угроза...

Я вытащил из кармана флешку.

– Обратите внимание, как умело в горах группа фанатиков ведет работы над бактериологическим оружием нового поколения. К сожалению, они близки к завершению работы. У

вас здесь, надеюсь, сеть локальная и нет выхода в Интернет? Прекрасно. Просмотрите, там карта и все данные.

Крис взял ее из моей руки так, словно я передаю гранату с выдернутой чекой, тут же сунул Грегу Робинсону.

– Возьмите и проверьте.

Дуайт сказал мне с извиняющейся улыбкой:

– Простите, мистер Лавроноф, наши специалисты сперва посмотрят, не подцепился ли по дороге какой-нибудь вирус... хе-хе. Вдруг простуда...

Я кивнул.

– Да, нормально. Продолжаю. Также на флешке под номером два указана база неких крутых ребят, что разрабатывают вирус короткого срока действия. Как я понимаю, это не в интересах Америки. И остального мира тоже. И, как я уверен, они сумели скрыться от любых наблюдающих органов.

Дуайт спросил с интересом:

– От нас сумели, а от вас нет? Любопытно.

– Все на флешке, – напомнил я кротко. – Мне нравится ваш оптимизм. Надеюсь, вы не растеряете его, когда ознакомитесь с предоставленными вам данными.

Он напомнил:

– А третья угроза?

Я ответил с неохотой:

– Третья угрозу миру не представляет, разве что опосредованно, а вот Штатам вред нанести может немалый. Нет, вообще-то малый, если смотреть в масштабах страны. Что такое для трехсотмиллионных Штатов потеря даже Нью-Йорка с его двенадцатью миллионами? А я уверен, целью будет город помельче...

Они помрачнели, я читал в их лицах, как в открытой книге, что угрозы миру – это серьезно, но куда серьезнее угроза Соединенным Штатам, потому что это и есть мир, его ось, его мозг и сердце. Угроза их стране намного серьезнее, чем гибель двух-трех миллиардов человек на другой стороне планеты.

Дуайт сказал несколько напряженным голосом:

– Думаю, вы привезли нам не пустышку. Большое спасибо за предоставленную ценную информацию.

– За ценнейшую, – уточнил Крис, не отрывая взгляда от дисплея. – Судя по всему, те ублюдки продвинулись достаточно далеко. Образцы уже готовы, осталось только сделать небольшой запас, чтобы запустить сразу с разных концов страны!

– Значит, – сказал я, – вирус быстро мутирует? И вскоре потерял бы смертоносные свойства?.. Да, это знакомо. В этом опасность безобидных вирусов, но и хорошее в опасных. Надеюсь, меры будут приняты...

Он кивнул.

– Сегодня же их арестуют, а туда нагонят специалистов. Пусть все осмотрят, проверят и перепроверят, опишут, а мы подумаем, какие принять меры предосторожности на дальнейшее... А что насчет третьей опасной точки?

Я вздохнул.

– Мне очень неловко о таком говорить, потому что как бы косвенно наша вина, но мы спешим предупредить вас, чтобы вы успели принять меры. В общем, помните то недавнее подводное землетрясение у Атлантического побережья?

Он кивнул, глаза стали настороженными.

– Да. На берегу, к счастью, разрушений было немного, людских жертв нет, всех предупредили своевременно, спасатели проверили, чтобы народ покинул опасную зону.

– Прекрасно, – сказал я. – Это землетрясение, к сожалению, затронуло одну из глубоководных мин.

Дуайт спросил в недоумении:

– Мин?.. Каких мин... О господи, вы о ваших русских минах?

– Увы, да.

Он вздрогнул, посмотрел на мое лицо и спросил почти шепотом:

– Ядерных?

– Да, – ответил я с неловкостью. – Вы же знаете, наша экономика всегда была слабее вашей. Содержать равную вашей армии для нас слишком тяжело, потому и прибегали к асимметричным ответам... Да и сейчас прибегаем.

Он вскрикнул:

– Но тот жуткий план академика Сахарова так и не осуществили!

– Совершенно верно, – согласился я. – Наши военные называли его слишком кровавым и отказались в таком участвовать.

Он перевел дыхание.

– Слава богу! А то я уже подумал...

– И не зря подумали, – подтвердил я. – Через тридцать лет, когда Советский Союз перестал существовать, все атомные боезаряды были вывезены с Украины в Россию. Наши военные, а если быть точнее, военная разведка, приняли меры, чтобы значительную часть зарядов упрятать достаточно надежно. Когда безжалостно резали на металлолом наши военные самолеты, в том числе новейшие бомбардировщики и истребители, эти заряды удалось сохранить. Помимо тех, которые по договору оставались на вооружении армии.

Он покачал головой.

– Это ужасно...

– Совершенно согласен, – сказал я. – Они бы так и остались в подземных хранилищах, однако НАТО начал поспешно придвигаться к границам России и окружать ее военными базами. Наши силовые структуры заволновались...

– Неужели вы тогда...

Я с горестным видом развел дланями, подумал и еще пожал плечами, это же американцы, им нужны жесты подступнее.

– А вы бы поступили иначе?.. Да, к тому времени за эти сорок лет были разработаны куда более мощные средства доставки. Да и сама конструкция глубоководных мин, сами знаете, усовершенствована по самым этим штукам. А неучтенные ядерные заряды очень даже пригодились для начинки этих мин.

Он ухватился за голову, остальные застыли, как сосульки в Антарктиде. Я прекрасно понимал их состояние, мины всегда головная боль наступающей стороны. Чрезвычайная простота конструкции, легкость изготовления и эксплуатации, а цена в сотни раз ниже, чем у тех же противокорабельных ракет.

– И сколько зарядов?

– Не знаю, – ответил я честно. – Я же совсем по другому вопросу. Землетрясение случилось как раз там, где закопалась одна из мин. Ее выбросило на поверхность, а сильная волна погнала к берегу, где вот-вот выбросит то ли в безлюдном месте, то ли на пляж.

– Господи!

– Плохо будет, если первыми наткнутся как раз мародеры. А так все хорошо, пляжникам даже весело. Девочки будут делать селфи.

Младшие и специальные молчат, соблюдая субординацию, а Дуайт выругался:

– Эти мародерные сволочи всегда появляются раньше спасателей.

– Что делать, – сказал я. – Американцы не исключение... Поторопитесь.

Он проглотил обидный намек, из-за таких мародеров национальная гвардия получила приказ стрелять на поражение после любого урагана или цунами, обрушившегося на побережье.

Грег спросил напряженным голосом:

– Насколько это...

– Опасно? – договорил я. – Абсолютно безопасно. Никакого взрыва не будет! Это исключено.

Он поинтересовался быстро:

– Где именно мина может оказаться?

– Дайте карту восточного побережья, – попросил я.

Он протянул планшет, карта появилась красочная, четкая. С указанием всех баров на берегу, пабов и десятка борделей.

Я указал пальцем.

– Вот в этом месте. Возможно, уже выбросило. Потому поторопитесь. После того подводного землетрясения на берегу смыло только забытые шезлонги, туда снова хлынул народ. Как мне кажется.

Дуайт отошел в дальний угол кабинета и что-то нашептывал во встроенный в воротник микрофон. Остальные смотрели на меня отчаянными и одновременно злыми глазами.

Робинсон тихонько охнул.

– А что, если...

– Взрыва не будет, – повторил я поспешно. – Там такие меры предосторожности... чтобы не взорвалась раньше времени, безопасность полнейшая!

Дуайт, закончив разговор, нажал пуговицу на воротнике, голос его прозвучал резко и отрывисто:

– Бригаду к вылету!.. Готовность нулевая, вылет немедленно... Инструкции получите в полете... Мистер Лавроноф, какое-то спецоборудование понадобится?

– Никакого, – заверил я. – Разве что поднять в вертолет или в автомобиль, вручную будет тяжеловато. Так что домкрат или погрузчик...

– А противорадиационные костюмы?

– Не нужно, – ответил я. – Если бы радиация выделялась, эти мины легко бы обнаружили под толщей морского дна. Так что меры были приняты еще на стадии конструирования.

– А повредить?

– Исключено, – заверил я. – Корпус из таких сплавов, что термоядерным взрывом, да и то изнутри только.

– Мина из новых?

– Одна из самых старых мин, – сообщил я. – Сама по себе взорваться не может даже при землетрясении! А остальные девяносто процентов закладок практически все сконструированы по новейшим технологиями. Компактнее и гораздо более мощные.

Он задал уже скорее дежурный вопрос:

– Перехват?

– Аналоговые системы, – заверил я. – Примитивно, особенно в наше цифровое время, зато перехват управления абсолютно исключается.

Он кивнул.

– Да-да, это я зря. Простите...

Он отошел в сторону и, активировав пуговицу микрофона на рубашке, говорил и совещался долго, а мы с Чарльзом и Грегом обсуждали перспективы сотрудничества в области противодействия мировым угрозам, но оба отвечают как-то бледно и растерянно, хотя информацией владеют, заметно, кое-какие работы у них ведутся, причем широкой сетью и по всей стране, чего не скажешь про нашу.

За это время я еще раз пробежался по всей их Сети, просмотрел все блоки и порылся в суперкомпьютере, установленном в самом нижнем зале, нам бы такой. Вот куда идут наши рубли, когда покупаем доллары. И чем больше купим, тем больше напечатают взамен.

С того момента как я переступил порог, добавилась пара терабайт достаточно ценной информации, я и ее скопировал и забросил в свое личное и в самом деле защищенное хранилище в облаке.

Оба вздохнули с облегчением, когда Дуайт закончил разговор, во время которого пару раз вытягивался в струнку и чуть ли не отдавал рукой честь.

– Мистер Лавроноф, – сказал он быстро, – мы прервемся с обсуждением в связи, как вы понимаете, в связи с чрезвычайной ситуацией...

– Да, – ответил я легко, – да, пожалуйста.

– А за это время, – уточнил он поспешно, – подготовимся к обсуждению глобальных рисков получше. Младший агент Арнольд отвезет вас в отель.

Я поклонился.

– Рад. Спасибо. Понимаю, вам сейчас не до глобальных катастроф, когда есть риск, как вы полагаете, вашему побережью.

– Мистер Лавроноф...

– Но вы убедитесь, – договорил я, – что все под контролем, и, успокоившись, вернетесь к нашим более важным делам.

– О, я уверен!

– Буду готов, – сказал я, – как и сейчас. Спасибо.

В коридоре уже ждет, как прилипший к стене, Джон Арнольд. Лицо его засияло счастьем, едва я вышел из кабинета.

– Ну и долго же вы!.. А русские же ленивые, для них и пятиминутный разговор в тягость, верно?

– А вы попробуйте выговорить по-русски «Берег был покрыт выкарабкивающимися лягушками», – предложил я доброжелательно, – и увидим, кто не способен даже длинные имена и фамилии запоминать, всегда укорачивает.

Он широко улыбнулся, подача принята, сказал бодро:

– Пойдемте, мы забронировали номер в отеле неподалеку.

– А бар там есть?

Он охнул шокированный:

– Мы что, не американцы?

– Тогда и блек-джек со шлюхами?

Он улыбнулся шире.

– Какой же отель без этих радостей?.. Не русские, поди, это у вас в каждой гостинице церковь и толстый поп с кадилом.

– И толстые диаконы, – подтвердил я. – Правда, монашки обычно готовы насчет самых разных услуг... Ваша культурка и туда добралась.

Он подумал, кивнул.

– Да, так даже интереснее. Кто бы подумал, русские тоже могут развлекаться? А я думал, вы только цитатник Мао разучиваете.

– Цитатник Мао сейчас в Чайна-таунах разучивают, – сказал я зловеще. – Говорят, китайцев в Америке уже почти половина?

Он отмахнулся.

– Если считать с мексиканцами.

– А с неграми две трети?

Он ответил уже серьезно:

– С афроамериканцами никогда не договорятся! Там почти все мусульмане.

– Они за ИГИЛ?

– Что делать, – ответил он с вытянувшимся лицом, – это какое-то сумасшествие. Хорошо, хоть пока не все разом.

– Молодцы, – одобрил я. – Разделяй и властвуй.

Глава 4

Автомобиль по взмаху его руки осторожно порулил навстречу. Мы перехватили его на полпути, Джон сел за руль, а когда я опустил на сиденье рядом и пристегнулся, погнал красиво и уверенно, чуточку рисуясь совсем не американской лихостью, это чтоб русский чувствовал себя как дома.

Отель сравнительно недалеко, немцы строят все расчетливо, у них Пентагон и ЦРУ вообще в разных городах, но когда от Пентагона до ЦРУ рукой подать, как и до Вашингтона, то понимаешь, какой рациональный народ они выковали на основе своей протестантской этики труда.

Автомобиль понесся, плавно снижая скорость, к массивному зданию в неоклониальном стиле. Сейчас это снова входит в моду, ностальгия, население стремительно стареет, хоть и живет дольше.

Фасады домов справа и слева как будто из старых фильмов, а внутри, понятно, все напичкано такой техникой, что даже в Японии не снилось.

– Достойный отель, – сказал Арнольд ободряюще.

– Я не капризный, – заверил я.

Он коротко усмехнулся.

– А урон авторитету?

– Я прибыл неавторитетно, – напомнил я. – Так, турист...

– Ну да, – согласился он. – Мы все туристы. Даже в своей стране.

– Романтично, – заметил я.

Он посмотрел с интересом.

– И вам тоже? А мне вот уже иногда, но только иногда... уже начинает казаться, что нужно как-то без романтики, хотя работа все-таки сама по себе как бы вот да...

– Без романтики жить грустно, – ответил я. – Мужчина должен быть романтиком. Это женщинам нельзя, романтическая женщина просто дурочка, как Ассоль какая-то...

Он не спросил, кто такая Ассоль, в Штатах чем актриса выглядит глупее, тем популярнее, потому во всем мире запоминают только штатовских актрис.

У входа неизбежные сканеры, в Америке каждый дом живет как осажденная крепость в чужой стране. Однако молодцы, даже это ставят себе в заслугу: дескать, у нас демократия с человеческим лицом, мы только защищаемся, никого не репресслируем, у нас свобода и пропаганда ненасилия.

Фойе залито светом, хотя в широкие окна бьется яркое солнце, в этом американцы особенно хороши, люблю яркий свет, он отгоняет хмурое настроение и делает мир праздничнее.

Портье взглянул на Арнольда и молча протянул мне цветную карточку электронного ключа.

– Вэлкам, – сказал он с по-американски настолько широкой улыбкой, что только марсианам разве что не покажется фальшивой. – Надеюсь, вам у нас понравится.

– Уже в восторге, – заверил я. – Страна великих возможностей! Всяких, разных.

Арнольд дружески подхватил меня под локоть и уверенно повел к стене с одинаково блистающими дверьми кабинок лифта.

На моем этаже он остановился сбоку, когда я открыл дверь и переступил порог, словно прикрывает от нападения со спины, затем вошел следом.

– Ого! – сказал я. – Мне что, выделили президентский номер?

Он ответил довольно:

– Что вы!.. Наш президент падает и спит там же, где и работает! Не выходя из Белого дома.

– А для всяких-разных? – поинтересовался я. – Встреч с мониками?

Он ответил с той же откровенной улыбкой:

– С Моникой президент сексуалил прямо в Овальном кабинете, не отрываясь от подписывания важных договоров.

– Наверное, с Россией, – предположил я. – Чтобы хоть как-то скрасить день... Дрему-чее было время, верно? Теперь президента никто не осуждает, что впендюривает всем своим помощникам, секретаршам и даже секретарям, чтобы не обвинили в сексуальном неравенстве.

– Правда, – спросил он с удовольствием, – хорошее время наступило?

– Время свобод, – согласился я. – Истинных американских свобод!

Он с удовольствием огляделся.

– Сюда какую женщину ни приведи, от порога начнет раздеваться!..

– Надеюсь, – пробормотал я.

– Ладно, – сказал он благодушно, – обживайтесь. Завтра за вами пришлют машину.

– В котором часу?

– В десять утра, – сообщил он и добавил: – если это вас устроит. Вы же все русские спите долго...

– Так то в берлогах, – возразил я, – а в таком отеле разве уснешь?

– Да, – согласился он, – здесь такой персонал... До завтра!

Я закрыл за ним дверь и еще раз огляделся. Номер шикарен, но по Арнольду видно, как наше привычное мышление не поспевает за переменами.

Женщины теперь в любом номере сразу же начинают раздеваться или хотя бы задирают платье для быстрого и необременительного секса, как и в коридоре, лифте, туалете, кустах, автобусной остановке и везде-везде, даже на движущемся эскалаторе метро, супермаркета или подземной парковки.

В желудке требовательно квакнуло. Время ужина, моему организму не нужна напоминка в часах, когда мне есть, когда пить, а когда опорожнять мочевой пузырь.

Дверь захлопнулась легко, но я уже оценил ее сложный замок и систему сигнализации. Если кто-то попытается сунуть отмычку, в комнате охраны тут же раздастся сигнал тревоги, и сюда примчится военизированная охрана.

Ресторан в нижнем зале прост, американцы все-таки пуританская нация, стремление к чрезмерной роскоши привносят иностранцы и понаехавшие, но и у тех оно постепенно подавляется. Не за богатство человек заслуживает уважение, а за то, как им распоряжается, себе в скотское удовольствие или на благо обществу.

Половина мест свободна, так что метрдотель, чтобы отыскивал, куда меня посадить, не понадобился. Я выбрал столик у окна, вряд ли кто-то возьмет меня на мушку из вон того здания через площадь.

Еще не успел опустить задницу в удобное пластмассовое кресло, явно полученное целиком из тридэшного принтера, как весело простучали женские каблучки.

Быстро подошла молоденькая официантка, миловидная, с живыми озорными глазами и удивительно ладной фигуркой. Чувствуется, что и сама себе нравится, легкая и быстрая, у таких все всегда получается, у них запас жизнелюбия и стойкости повышен, чтобы уж точно не сдаться в этой трудной жизни.

– Сэр?

Я взял меню из ее руки, она чуть игриво придержала, чтобы я еще раз взглянул в ее лицо и обратил внимание на вырез блузки, где кокетливо приподнимаются белые холмики, незатронутые вульгарным загаром.

– Ого, – сказал я, – как много всего. Слишкоммногобабуков, как говорят истинные американцы, что впадают в тоску от длинных слов. Взгляни на меня и сама определи, что мне принести.

Она с улыбкой смотрела, как я закрыл папку с листками меню и отложил на край стола.

– Желудок в порядке?

– И все остальное, – заверил я.

– Хорошо, – ответила она с вызовом, – тогда не жалуйтесь!

– С трепетом жду.

Она еще раз взглянула оценивающе, а эти существа с пеленок уже опытные женщины, улыбнулась и быстро пошла в сторону кухни, такая же легкая, подтянутая, в туго облегающей, даже обтягивающей юбчонке, где ягодицы просвечивают так, будто юбка из промасленной бумаги.

Я прикидывал, как повернется дальше. Когда мину отыщут, специалисты тут же определят, что взрыв такой одной-единственной в нужном месте может вызвать цунами, что снесет с побережья город или хотя бы городок и надолго уничтожит пляжи.

А если сложить взрывы десятка таких мин, ущерб не в десять раз больше, как сочтет малограмотный, а в сотни, взаимодействие никто не отменял, все прибрежные города могут и будут сметены.

Сотни ядерных мин заложены не для того, чтобы подстраховаться, а чтобы волна пошла дальше побережья...

Снова весело и задорно простучали каблучки, словно копытца молодого олененка. Я вскинул голову, официантка идет к моему столику, держа в обеих руках широкий поднос с горкой жареного мяса, как показалось издали.

Когда опустила поднос на край стола и принялась переставлять тарелки, я рассмотрел коричневую тушку зажаренного молодого гуся, приправы в крохотных емкостях.

– Африканский карликовый гусь, – сказала она победно. – Выращен специально для ресторанов.

– Чтобы сожрать в одиночку? – догадался я.

– Именно, – подтвердила она. – Нежнее нежного.

– Вообще-то у меня зубы в порядке, – сообщил я, – даже тебя сумел бы укусить за попку, хотя она выглядит, как тугой шар для боулинга.

– Ой, – сказала она опасливо, – как один?

– Как два, – заверил я. – Зато какие!.. А это соус или что-то вообще ужасное?

– Попробуйте, – сказала она заговорщицки. – Даже вегетарианцев не удастся оттащить за уши!

– Рискну, – сказал я. – Если что не так, пострадают ваши нежные розовые ушки! Или попка.

Она ушла с пустым подносом, весело посмеиваясь, а я вонзил острие ножа в горячую тушку с блестящей коричневой кожей. В трещине запузырился сладкий сок, пахло обжигающим ароматом.

– Здесь умеют покушать, – пробормотал я. – А что еще надо демократам?.. Поестъ всласть, выпить, подмять жену соседа... Хорошо бы еще и дочку для полноты счастья и американской мечты...

Вся стена слева отдана под грандиозно оформленный бар, глаза разбегаются от величайшего множества вин, коньяков, виски, рома и прочей хрени, которой травит себя человек, потому что все равно помирать, так какая разница: прожить восемьдесят лет, отказывая себе в таких чудесных излишествах, или же семьдесят, не отказывая себе ни в чем?

Ничего, подумал я с некоторым злорадством, вот у вас начнется ломка, когда вдруг дойдет, что с этими излишествами точно не доживете до эры бессмертия, а вот при полном воздержании и правильной диете шансы очень большие на то, чтобы обрести вечную жизнь...

У бара на высоких стульях сидят молодые и не очень женщины, любительницы одноразового секса с незнакомцами, все хотя бы по разу посмотрели в мою сторону, некоторые начали

вытягивать ноги, барные стулья позволяют показывать их во всей красе, другие зазывно улыбались.

Я не стал ждать, когда какая-то подойдет и деловито предложит потрахаться, допил апельсиновый сок и, оставив деньги на столе, отправился в свой номер.

В мозгу сталкиваются, вышибая искры, невеселые мысли насчет того, что с террористами бороться не так уж просто даже при всей мощи государственного аппарата. Это только кажется, что здесь неиссякаемая ресурсная база, миллионы кадров, готовых выполнить любое задание, а там у противника горстка сумасшедших фанатиков.

На самом деле у них своя разведка, зачастую не уступающая нашим западным, а во-вторых, очень часто ее пополняют по самым разным причинам бывшие наши кадры из силовых структур.

Одни обижены на медленное продвижение по службе, другие где-то проворовались или превысили полномочия, третьим вдруг халифат начал больше нравиться по идейным соображениям, у четвертых и пятых какие-то еще мотивы, но факт в том, что эти перебежчики из западных спецслужб, элитных частей, спецназа, бывшие морпехи и коммандос привносят западный опыт, умения, знания и особенности, берутся натаскивать местных, а вот перебежчиков в обратную сторону что-то не наблюдается.

Конечно, двойных агентов вербуем, но это на местах, однако ни в КГБ, ни в ЦРУ нет перебежавших из халифата кадровых разведчиков. Все то же самое, что и в столкновении конфессий: ислам победно наступает по всему миру, в том числе и в твердыне христианства – Европе, одни христиане постоянно отступают, другие еще и принимают веру пророка.

В дверь постучали, я прислушался, а когда посмотрел в коридор через камеру, перед моим номером стоит официантка из нижнего зала.

Я торопливо распахнул, изобразил на лице изумление.

– О, как здорово!.. А я только что о тебе подумал!

– В какой позе? – спросила она.

– Да ладно, – ответил я, – ничего необычного. Ты же видишь, я прост, как рыба без специй.

Она засмеялась.

– Это хорошо, от сложностей можно устать. Я тоже простая... Как догадалась прийти? Да видела, как ты смотрел. До сих пор твои ладони везде чувствую.

– Да ладно, – возразил я. – Так уж и везде. Пятки вроде бы не трогал...

– А почему до сих пор щекотно?

Отшучиваясь, она сбросила блузку, открыв крепкие молодые груди, небольшие, но с широкими розовыми ореолами вокруг бодро и весело торчащих сосков.

Я протянул руки, собираясь помочь ей расстаться с юбчонкой, но она избавилась от нее в одно мгновение и охотно пришла в мои горячие ладони.

Она еще подросток, мелькнула мысль, вон как отдается этому делу с азартом и воодушевлением, приобретая опыт и сноровку для замужества. Это раньше невеста должна была быть девственницей и уметь только лежать на спине, раздвинув ноги, не шевелясь, чтобы не сочли позорно чувственной, а теперь лучше взять не умеющую готовить, чем не умеющую весело и с удовольствием совокупляться, моментально выполняя все наши желания.

Когда она так же быстро соскочила с кровати и одевалась, я протянул ей с десятков сто-долларовых бумажек.

– Держи.

Она в изумлении вскинула брови.

– Что это?

– Чаевые.

Она посмотрела в мое лицо.

– За что... Ах да, ну ты и негодяй...

Я сказал нерешительно:

– Вдруг подумалось, что если у тебя просрочена плата за комнату, что снимаешь пополам с подругой, то это деньги как раз пригодятся. Тебе же стипендию не платят?

Она чуть отшатнулась, взгляд стал испуганным.

– Кто ты? Откуда... знаешь...

– Вид у тебя девочки из хорошей семьи, – объяснил я. – Фразы строишь правильно, простонародной вульгарности нет и в помине... Потому и предположил, что в универе где-то на втором-третьем курсе. А что комнату пополам с подругой... Разве не так все снимают? И дешевле, и удобнее. Даже одни и те же платья и туфли можно носить, если сильно повезет...

Она перевела дух.

– Фух, что я только не подумала. Ты прав, но я не занимаюсь такой подработкой. Просто вдруг какое-то странное доверие к тебе... А если уж размяться, то не с официантами, а с таким, как ты, красивым и загадочным иностранцем.

Я засмеялся.

– Наверное, потому, что я профессор!

Она тоже засмеялась оригинальной шутке.

– Ладно, возьму... А ты что, такой богатый?

– Легко пришли, – ответил я, – легко уходят...

– Хорошо, – сказала она, – но ты деньгами не швыряйся. Сразу видно, иностранец из дикой страны. Деньги счет любят. А то ты прям как русский. Те чаевые оставляют такие, на них можно купить еще три таких ужина!

– А здесь бывали русские?

– Нет, но о русских рассказывают всякое... жуть просто. А в кино они вообще. Не хотела бы хоть с одним встретиться.

– Я тоже, – сказал я.

Она крепко поцеловала меня в губы, прислушалась, что там за дверью, и выскользнула в коридор.

Глава 5

Ночью я систематизировал данные, что нарыл в компьютерной сети Пентагона. Там помимо тридцати тысяч постоянно обновляемых персоналок на столе каждого сотрудника, еще и эксафлопный суперкомпьютер на втором подвальном этаже, а ниже – только свой ядерный реактор.

Ядерный реактор не так интересен, как входящий в сотню самых мощных суперкомпьютер. Данных в нем многовато, многовато в том смысле, что не упорядочено, хаотично, перепутано, многие важные моменты недоступны даже для тех, кому как раз необходимы...

Впрочем, это стратегический противник, так что ладно, у себя я все это систематизировал сразу еще при перезаписи в мое личное хранилище, там все на месте, ничего не перепутано, осталось только легкое разочарование, что никаких тайн, ничего особенного, люди работают над безопасностью страны. А так как люди разные, то и работают по-разному, частенько так, что лебедь, рак и щука для них образец слаженности и взаимодействия в команде. А еще все постоянно ищут и находят в своих рядах иностранных агентов и даже шпионов, за что получают бонусы в виде повышения по службе и поощрений.

Утром, когда завтракал, искал взглядом ту девчушку, что поднялась ко мне вчера в номер, но то ли сегодня не ее смена, то ли работает с обеда, а спросить как-то неловко, да и что за время такое, даже имени не спросил...

А вот так, не спрашивая, я не должен знать, что ее зовут Джеми, Джеми Франклин, учится в универе, постоянного бойфренда нет, не избегает и лесбо, но предпочитает мужчин, кроме учебы посещает еще и школу танцев, то-то показалась очень гибкой и пластичной, бедная девочка, еще ухитряется и здесь подрабатывать официанткой, старается заработать и выбиться в люди сама, не рассчитывая подцепить богатого мужа.

Мобильник тихонько звякнул, я выудил из кармана, на экране появилось квадратное лицо Дуайта.

– Не разбудил, – спросил он с несвойственной ему деликатностью, – мистер Лавроноф?.. Ах да, вижу, вы уже завтракаете, прекрасно... Вижу, у вас хороший аппетит, здесь вы не отличаетесь от американцев.

– Это похвала или оскорбление? – поинтересовался я. – У нас могут такой комплимент толковать так и эдак. Смотря на какой стороне баррикады... Ладно, какие новости?

– Я заеду за вами, – пообещал он. – По дороге расскажу в двух словах.

– Где вы сейчас?

– В двадцати минутах, – ответил он.

– Это в ЦРУ? – спросил я. – Тогда я еще чашечку кофе успею освоить, булочки здесь просто великолепные. Понимаю, почему американцы самые толстые в мире.

– Уже через восемнадцать минут, – сообщил он. – У нас задержек на дороге не бывает.

– Да, – согласился я. – У вас автомобили дорогие даже для местных. В основном китайские покупаете.

– Да, – подтвердил он, – мы разместили там почти все наши автомобильные заводы!..

Экран погас, я остался неспешно прихлебывать горячий кофе. Видеонаблюдение отеля захватывает большой участок дороги, автомобиль Дуайта я заметил издали, расплатился и вышел из ресторана как раз в момент, когда он начал сдвигаться к обочине.

Он изнутри распахнул передо мной дверь, улыбнулся, американцы всегда улыбаются, хотя это порой выглядит совсем по-дурацки, спросил дружелюбно:

– Надеюсь, у нас в отелях клопы помельче ваших?

– Вас, похоже, – заметил я, – всю ночь грызли.

Он сказал невесело:

– Честно говоря, за всю ночь удалось заснуть часа на полтора. В общей сложности.

– Что же так?

– Вы такую задачу подкинули, – заявил он, – что сейчас на ушах стоят не только Пентагон, ЦРУ и АНБ, но вообще все в океанологических институтах и сенатских подкомитетах.

Мне показалось, поглядывает так, словно меня за эту ночь повысили по крайней мере сразу через два звания. Или же я, как древний гуру, являюсь вместилищем сокровеннейших знаний, что могут дать много денег или позволить есть сколько угодно, не толстая.

– Зря, – обронил я.

– Почему?

– Да случай не стоит выеденного яйца, – сказал я.

Он прибавил скорость, дома замелькали справа и слева, американцы тоже любят быструю езду, Штаты создавали и несколько десятков миллионов русских.

– Не скажите! – сказал он чуточку оскорбленно. – Это наша американская земля!

– Еще добавьте, – предложил я, – что мина российская. Для газет самое то, чтобы обвинить Россию в нападении, вторжении и попытке захвата побережья невежливыми людьми.

Он ухмыльнулся.

– Да, это верно. Но ситуация пока подсказывает, что лучше такую новость придержать в тайне. От СМИ.

– Штатам сейчас невыгодно раздувать скандал, – напомнил я. – Но если станет о нем известно, какие-то сенаторы ради карьеры пойдут и вопреки интересам страны, лишь бы самим на этом погреть руки.

– Пока наложен запрет, – повторил он.

– Удержите?

Он кивнул.

– У нас демократия, но в нужных местах жесткая демократия.

Впереди начало вырастать здание Пентагона, я ожидал, что Дуайт снизит скорость, однако тот гнал на полной почти до решетки ворот.

Часовой вышел, взглянул через лобовое стекло на обоих. По взмаху его руки часть дорожного полотна впереди, вставшая вертикальной стеной, опустилась, прикинувшись прежней ровной дорогой.

В знакомом коридоре я направился к той же комнате, однако он торопливо ухватил меня под локоть.

– Нет-нет, это чуть более расширенное заседание.

– Чудесно, – ответил я, хотя сердце предостерегающе стукнуло. – Значит, дело с мертвой точки сдвинулось.

– Слетело, – уточнил он. – Как мячик в гольфе от удара клюшкой.

– Это тоже чересчур, – заметил я.

– У нас безопасная страна, – сказал он.

– А постоянные теракты?

Он отмахнулся.

– К ним привыкли. А вот такая угроза, что может потряхнуть всю Америку...

– Такой угрозы практически не существует, – сказал я. – Вы же не планируете удар ракетно-ядерными силами по России?

Он загадочно улыбнулся, а я на ходу быстро просмотрел глазами видеокамер ближайшие помещения.

В самом большом из ближних залов, похожем на уменьшенную копию пункта запуска ракет с мыса Канаверал, расположились генералы и крайне респектабельнейшие люди в штатском, подлинные современные вельможи.

Одни ведут беседы в креслах, двое вальяжно, но с заметным напряжением в жестах и мимике прогуливаются вдоль стены с огромными дисплеями, и, как я ощутил, главное действо у них еще не начиналось.

Мы были в десятке шагов от двери, когда еще один генерал вошел в ту комнату, толстый, величественный, хотя с нашивками всего лишь бригадного генерала. Если не сбросит вес, то полного генерала не видать, в американской армии существуют нормативы даже насчет внешнего вида военнослужащих.

Дуайт вздохнул.

– Ну, держитесь...

– Бить будут?

– Еще как, – ответил он. – Им сейчас не до глобальных катастроф.

Я охнул.

– Так я только ради них и приехал!

– Все будет, – сказал он успокаивающе, – только эти мины... они всех заставили вздрогнуть. Сперва решим с ними.

Я сказал раздраженно:

– Как будто не знали!

Он сдвинул плечами.

– Не все верили. Никто же из ваших не афишировал, где именно заложили... У нас в конце концов решили, что это ложная тревога. Деза. Все хотят верить тому, чему хотят.

– Ну еще бы.

– Для вас, – напомнил он, – такие мины закладывать очень дорого. Это при вашей расшатанной экономике!

– Безопасность страны, – напомнил я, – превыше всего.

– А благосостояние населения?

– Наше население не продается за чечевичную похлебку, – ответил я кротко. – Во Вторую мировую люди всем жертвовали для победы. Очень не хочется, чтобы Америку у нас считали наследницей Гитлера. Но тогда победили, победим и теперь.

Он охнул, шокированный.

– Это у нас вас рассматривают как преемников идей Гитлера!

– Ну вот и договорились, – отрезал я сухо. – Я имею в виду договорились вы до окружения нас военными базами с ядерным оружием и баллистическими ракетами, а мы в ответку до ядерных мин вдоль обоих берегов Соединенных Штатов.

Он распахнул передо мной дверь в тот зал, который я и наметил, а когда я шагнул через порог, почти все присутствующие там повернулись в нашу сторону.

Дуайт кивком велел мне следовать за ним, это к одинокому столику под стеной с огромными экранами, а там, не садясь, объявил:

– Господа, прошу занять свои места. Времени у нас, как всегда, в обрез, потому буду крайне и даже предельно краток. Представляю господина Лавроноф, возглавляющего Управление по Исследованию Глобальных Катастроф. У них оно называется так же, как и у нас, с той лишь разницей, что они уже провели ряд успешных операций по устранению угроз.

Генералы и штатские, тех и других не больше дюжины, начали неспешно опускаться в кресла. Зал рассчитан на сотню человек, а это значит, допущены самые проверенные и те, от которых в самом деле что-то зависит.

На меня смотрят не просто враждебно, некоторые с откровенной ненавистью, что и понятно. Меньше всего воевать хочется им, так как гражданские отсидаются в тылу, а военным придется выдвинуться на передний план, где не просто опасно, а очень опасно. Под пули не попадут, но из Белого дома найдут в чем обвинить, к чему придраться, с кого сорвать нашивки.

Я сказал как можно более мирно и успокаивающе:

– Я прибыл, чтобы установить контакты и договориться о взаимодействии в борьбе с опаснейшим видом терроризма. Я имею в виду глобальный, но пришлось привести и непростую новость о выброшенной землетрясением мины...

Один из генералов сказал резко:

– Терроризм потом!.. Сейчас главное, какого черта вы творите? Вы понимаете, к чему это приведет?

Я ощутил быстро вскипающую злость, ответил с нарочитой сдержанностью:

– Если вы понимаете, что значит ваша политика по окружению России военными базами и пусковыми установками... то поймете и адекватность ответа.

В зале заговорили между собой, генерал сказал в ярости:

– Мы защищаем демократию! В том числе и в России!

– А мы защищаем себя, – ответил я кротко. – Посмотрим, что важнее защитить: жизнь или лозунги? И за что будем сражаться до последнего?

Дуайт поднялся и постучал по столу.

– Прошу всех успокоиться. Это прежде всего относится к вам, генерал Сигурдсон. Вопрос серьезный, давайте решать его спокойно и взвешенно. Мистер Лавроноф...

Он сделал паузу, я сказал уже примирительно:

– Ваше беспокойство относительно ситуации в некоторой степени понятно...

Генерал Сигурдсон сразу же прервал агрессивным тоном:

– Беспокойство? Вы называете это беспокойством?.. Мы в ярости!

Его сосед сказал чуть мягче:

– Мы возмущены случившимся!

– Да-да, – сказал я, – наверное, нужно было бы просто промолчать. Или дать команду на взрыв. Специалисты вам скажут, что никто не отличит цунами, вызванное взрывом на дне, от естественного. Можно было бы взорвать мину и на берегу. Была бы мощная ядерная катастрофа, списали бы на террористов из Ближнего Востока, на ИГИЛ или еще кого-нибудь... А наша страна выразила бы соболезнование и предложила бы помощь в борьбе с терроризмом.

Дуайт вздохнул, а Сигурдсон уставился на меня в негодовании.

– У вас в самом деле рассматривали такой вариант?

– Генерал, – ответил я, – ничего личного, как у вас говорят по каждому поводу. Зато не было бы этого, простите, странного и патетического негодования. Дескать, вы просто шли, а вам навстречу попался злой и коварный стул, что напал на вас и ударил в колено.

Дуайт сказал примирительно:

– Коллеги, прошу успокоиться. Я тоже возмущен случившимся, однако же со стороны Кремля сейчас дружеский шаг, рассчитанный на понимание. Давайте не позволим им думать о нас хуже, чем мы есть на самом деле!

В зале промолчали, Сигурдсон сказал лютю:

– Но они заложили пояс мин у нас под носом!.. Это недопустимо! Это возмутительно!.. Нужно немедленно потребовать...

Я не успел ответить, Дуайт сказал мягко:

– Что? Чтобы они убрали свои мины?.. Да им проще их взорвать. Давайте я проясню ситуацию. Наши специалисты работали всю ночь, и вот что они накопили. Больше всего их беспокоят российские атомные подлодки особого назначения «Лошарик», способные ходить на глубине в шесть тысяч метров. У нас таких подлодок, отвечаю сразу, нет. По мнению специалистов, что выдали расчеты еще в то хрущевское время, для наибольшего эффекта мины нужно было закладывать как можно глубже, а шесть тысяч метров – идеальный вариант.

Сигурдсон сказал враждебно:

– Освежите нашу память насчет взрыва таких мин.

Дуайт произнес ровным голосом:

– В случае взрыва на восточном и западном побережье все города, как докладывал Сахаров Хрущеву, будут сметены полностью. Если учесть, что девяносто процентов населения Соединенных Штатов живут на побережье, то после рукотворного цунами в Соединенных Штатах практически останется обезлюдевшая земля.

Глава 6

Сигурдсон дернулся, словно в него всадили пулю. Пару мгновений хватал ртом воздух, наконец прохрипел:

– Это... точно?

Дуайт ответил со вздохом:

– Сейчас сюда срочно везут лучших специалистов. Это главы центров по изучению нестандартных угроз безопасности Соединенным Штатам.

Сигурдсон прорычал:

– Хорошо, мы сперва выслушаем их доклады, а потом примем решение. Нужно будет составить ответ президенту. Ему наверняка уже сообщили о найденной на берегу мине... Ее уже нашли?

Дуайт кивнул.

– Да. Благодаря предупреждению мистера Лавроноф наши люди высадились в той части берега, убрали отдыхающих с полосы пляжа... да их и не было уже так поздно, это случилось в полночь, и вовремя заметили в лунном свете предмет, который волны катили к берегу.

– Это в самом деле... мина?

В голосе Сигурдсона прозвучала слабая надежда, что это либо шутка, либо простая мина времен Второй мировой, но Дуайт кивнул с самым невеселым видом.

– Да. Мегатонная. Если рванет, мало не покажется. Снесет с лица земли пару прибрежных городов. Сейчас ее с величайшими осторожностями загружают в военный транспортный вертолет, затем доставят по воздуху в пустыню, где и произведут разборку.

Сигурдсон скривился так, словно надкусил на больной зуб, повернулся к коллегам, что сидят сзади.

Я поинтересовался у Дуайта шепотом:

– У вас три центра?

Он вздохнул.

– Намного больше. И ни одного в статусе государственного. С разной степенью финансирования, влияния, направления... Это демократия! В этом ее сильная сторона. Но вижу по вашим глазам, что скажете.

– Не скажу, – заверил я. – И так знаете. Американская демократия, если в ней еще остался здоровый инстинкт выживания, первой перейдет на авторитарные рельсы. Кстати, расчеты ваших людей неверны.

Он дернулся, спросил живо:

– В чем?

– Даже я, неспециалист, – сказал я, подчеркивая, что работаю в другой области, – знаю, что, по уточненным данным, ядерные мины достаточно заложить на глубине даже в два километра.

– Ох, – сказал он тревожно, – это точно?

– Пусть перепроверят, – посоветовал я, – а не списывают друг у друга расчеты советских ученых, сделанные в годы правления Хрущева. Тогда еще не владели в полной мере картой морского дна у вашего побережья! А сейчас оно просчитано до сантиметра.

– Два километра, – повторил он, и я увидел в его глазах тревогу, на такой глубине мины могут ставить все торговые суда, заходящие в порты Штатов. – Всего два километра?

Я объяснил любезно:

– Волна все равно образуется нехилая. От пятисот метров в высоту до километра.

Он дернулся.

– Это же достигнет даже срединной части страны!

– На материке, – подтвердил я, – смоет и разрушит все на расстоянии больше, чем в пятьсот километров.

– Пятьсот километров с одной стороны – сказал он, – пятьсот – с другой... Что вы наде-
ляли, что вы наделали?

Ощутив панику в голосе старшего агента ЦРУ, генералы, продолжая переговариваться, начали поворачиваться в нашу сторону.

Я заметил, что прислушиваться начинают все, ответил Дуайту, но повысил и для других голос:

– Базами окружать начали вы первыми, дорогой Дуайт. С нашей стороны всего лишь ответный ход. Не хотите взять своего коня взад?.. Возможно, вы забыли, что это вы окружили Россию со всех сторон военными базами, разместили на них крупные соединения и даже атомное оружие... это для вас нормально, верно?

Дуайт ответил с достоинством:

– Никто не собирается нападать на Россию. Это всего лишь мера предосторожности. Чтобы сама Россия не вздумала напасть.

– Прекрасно, – воскликнул я с чувством. – И Россия не собирается нападать на Соеди-
ненные Штаты. Закладка атомных мин вдоль побережья проделана в целях предосторожности. Чтобы Штаты не вздумали даже подумать. Так что какие вопросы?.. Или такое можно делать только вам?

По их лицам видел, что да, это можно только им, они же всегда правы, хоть и не сразу, а если какие-то страны уничтожили по ошибке типа Ирака или подобную ему мелочь, то что старое вспоминать, у всех бывают проколы.

Дуайт, впрочем, сказал с тем же чувством оскорбленного достоинства:

– Штаты все делают гласно. Насчет баз сперва долго ведутся переговоры с правитель-
ствами тех стран, на территории которых будут размещены, а за переговорами следят во всем мире. Лишь после заключенного договора начинается строительство. А войска перебрасыва-
ются уже потом, через год-два...

– Наша экономика слабее, – напомнил я. – Россия просто не может мериться со Штатами
объемом бицепсов. У вас бицепс объемнее. В схватке на ринге у нас шансов нет.

На лицах большинства появились победные улыбки, остальные продолжали рассматри-
вать меня пристально, понимая, последнее слово я не сказал.

– Потому, – договорил я, – на такую схватку лучше явиться с пистолетом в руке.

Еще один из генералов, что помалкивал и даже не вступал в разговоры с коллегами, сказал резко:

– Это бесчестно и жестоко! Вашего ястреба, этого академика Сахарова, который доби-
вался реализации этой идеи, осудили прежде всего ваши советские военные генералы!.. Разве ваш командующий Военно-морским флотом, адмирал Фомин не заявил, что не будет воевать с мирным населением?

– А вот это не надо, – сказал я негромко, – это не мы сровняли с землей мирный и пре-
красный город музеев Дрезден, убив в нем все гражданское население. Это не мы сбросили атомные бомбы не на японские войска, а на мирные города Хиросиму и Нагасаки! Генерал, я не ваш избиратель, давайте обойдемся без пропаганды и журношлюшества. То, что мы заин-
тересованы в совместной работе над продвижением к безопасному будущему, я уже доказал своим приездом и надеждой начать совместные операции против глобального терроризма.

Сигурдсон сказал резко:

– Кстати, эту мину могли подбросить нам специально! Чтобы мы встревожились!

Я сказал мирно:

– В работе спецслужб возможны любые комбинации. Но ваши специалисты определяют, и сколько лет мина пролежала на морском дне, насколько стандартизован их выпуск, и как легко было установить их хоть сотни вдоль ваших берегов.

– А сколько установили?

Я ответил любезно:

– Полдюжины достаточно, чтобы смести волной гигантского цунами все с территории Штатов в океан на другой стороне континента... Я же здесь с совершенно иной целью.

Он буркнул:

– Какой?

– После того, – сказал я, – как вы заверили, что с ваших баз не нападут на Россию, я так же заверяю, никто не даст сигнал на подрыв атомных мин. Думаю, вас это должно удовлетворить... хотя, конечно, не удовлетворит.

Он рыкнул:

– Еще бы! То мы, а то Россия!

– В чем разница? – спросил я кротко.

– Вы варвары, – заявил он. – А мы – цивилизованная страна!

– Вроде Рима, – согласился я, – наследницей которого являетесь и даже подчеркиваете во всех названиях своих сенатов и capitoлий.

Тогда мы те варвары, что пришли в Рим?..

– На этот раз у вас не пройдет, – заявил он. – Штаты – не Рим!

– Надеюсь, – согласился я, – хотя нравы у вас уже те, что привели Рим к гибели.

Дуайт постучал по столу громче.

– Коллеги, коллеги!.. Я вас понимаю, но мы не дипломаты, а серьезные люди. Давайте вернемся к сути вопроса. Доктор Лавроноф?

Я сказал все еще зло:

– Конечно, приятнее себя чувствовать, когда у вас в руке кольт, а у противника голые кулаки, верно? Но мы живем в реальности, а в ней у нас в руке тоже кольт. Или даже граната. Моя миссия, как я сообщил с первых же секунд встречи, – наладить сотрудничество в ликвидации глобальных угроз человечеству. Не исследовании, а именно быстрых и неотложных действиях!.. Мир на краю гибели, о чем вам наверняка докладывали.

Генерал Сигурдсон спросил грубо:

– И что, вы уже что-то начали? В своей гэрэушной манере?

– Скажу только о том, – ответил я, – в чем я участвовал лично. В Тунисе террористы разработали вирус, который должен был уничтожить несколько миллионов или даже десятков миллионов человек в Европе. К сожалению, мы опоздали на несколько часов. Лаборатория была нами уничтожена и сожжена вместе со всеми сотрудниками, но посланец успел чуть раньше унести флягу с вирусом на судно с беженцами, что направлялось в Италию, и там успел заразить всех. Не в Италии, к счастью, а на корабле. Руководил операцией знаменитый Фазлур Хосейн, он у вас в списках самых опасных террористов мира. Теперь можете вычеркнуть... Останавливать и помещать беженцев в карантин не успели бы из-за бюрократических процедур. Тем временем они разошлись бы по Италии, а самолетами, поездами и автомобилями проникли бы в Европу, а там успели бы и в Америку...

Генерал посмотрел на меня с новым выражением на лице.

– Вы говорите о той трагедии, что случилась в Средиземном море у самых берегов Италии?

– Они все были заражены, – ответил я кратко. – А как бы поступили вы?

Генерал сказал со злостью:

– Нам бы такое не позволили!

– Добивайтесь большей самостоятельности, – посоветовал я.

Еще один генерал сказал высокопарно:

– У вас авторитарная система, а у нас демократия. Решения принимаются медленно, обдуманно, с учетом интересов всех слоев населения.

Я посмотрел на генерала Сигурдсона, тот поморщился, но промолчал, осуждать демократию в демократическом обществе опасно даже для военных.

– Тунис в вашей сфере влияния, – сказал я.

– Это суверенная страна...

– Знаем-знаем, – согласился я. – Мы уничтожили только исполнителей... а заказчика не знаем. Хорошо бы вам, как старшим суверенам, отыскать мерзавца.

Генерал Сигурдсон рассматривал меня исподлобья с таким видом, словно мы уже вышли на ринг.

– А что известно?

– Все передам, – пообещал я. – Возможно, вашим людям не помешает побывать на месте уничтоженной лаборатории. Огонь сжег все живое, но аппаратура осталась... ну, не в прежнем виде. Что-то понять можно будет даже американцам.

– Какие вы добрые, – сказал он с тяжелым сарказмом.

– Да, – согласился я. – Это не ракетами из-за океана с безопасного расстояния. А мы приехали, посмотрели, оценили и приняли бой. Охрана там была дай боже, так что если ваш спецназ не такой, как в Голливуде...

– Наш спецназ готов выполнить любые задачи, – оборвал он.

– По остаткам аппаратуры, – уточнил я, – можно определить, кто заказывал, кто получал, кто оплачивал... Наверняка проходило через ваши банки.

– Банки существуют не только в Америке!

– Да? – изумился я. – А почему же говорят, что Штаты их все подмяли... Впрочем, это не важно. У вас, наверное, и в Тунисе есть база? Хотя бы скрытая?.. Но не для нас, естественно.

Он поморщился, но ответил с враждебной деловитостью.

– Через два часа на указанном вами месте будет группа специалистов. Дайте точные координаты.

Дуайт, который следил за нашим разговором, почти держась за сердце, вздохнул с облегчением и сказал приподнято бодро:

– Джентльмены, многие из нас были подняты по тревоге и не успели даже позавтракать. Мы можем перейти в ресторан на этом же этаже, но можно и сюда заказать кофе и булочки.

Сигурдсон отмахнулся.

– Да все равно. Можно и здесь, так что давайте в ресторан, это рядом. Вы умеете устраиваться, Дуайт.

– Разве что насчет ресторанов, – согласился Дуайт.

– Не скажите, – проронил Сигурдсон многозначительно. – Я кое-что слышал.

– Врут, – ответил Дуайт мрачно.

– Все люди врут, – согласился Сигурдсон. – Это важнейшее завоевание цивилизации, ее примета и наша надежда на лучшее будущее.

Глава 7

Я покосился на него с некоторым удивлением. Генерал выдал достаточно нестандартную сентенцию, и хотя она верна, но не с генеральским мышлением додумываться до такого. Хотя, с другой стороны, он не полевой генерал, а из стратегических сил, где при оценке геополитической ситуации в мире приходится учитывать и такие составляющие жизни, как религия, привычки, заблуждения, национальные особенности, что для полевого генерала вообще лишний мусор.

Хотя он и должен быть как минимум неглупым. На этом заседании представляет РУМО, организацию намного более мощную, на мой взгляд непрофессионала, чем ЦРУ, о котором наслышаны все в мире. Но РУМО, Разведывательное управление Министерства обороны, это военная разведка и засылка целых отрядов для тайных операций за рубежом в таких масштабах, что цэрэушникам и не снилось. И для меня он даже важнее, чем контакты с ЦРУ.

Дуайт пошел впереди, в недавнем прошлом успешный полевой агент, как увидел я в его досье, но, когда потребовалось укрепить один из важных отделов в ЦРУ, его выдернули из Южной Америки, где работал под прикрытием, и теперь занимается несколько не своим делом, как не раз замечал друзьям, что отдельно отмечено в его закрытом досье.

Ресторан рассчитан на большую аудиторию, но сейчас не время обеда, зал почти пуст, не считая двух-трех столиков в укромных местах, где люди в погонах ведут себя как карбонарии, замышляющие захват власти в отдельно взятом штате.

Дуайт выбрал стол возле окна, шепнул мне:

– Вы не против, если приглашу и генерала Сигурдсона?

Я дернулся, но смирил себя и ответил предельно корректно:

– Того... самого?

Он сказал так же тихо:

– Да, вы определили точно. Он как бы самый, это верно. Один из.

– Что вы, – ответил я. – это же такое удовольствие испортить ему завтрак! Почище, чем обед.

Он вздохнул, во взгляде я прочел мягкий укор, ну что за странный русский юмор, на время обеда между цивилизованными странами прекращаются даже боевые действия, оставил меня и отправился к генералу.

Сигурдсон, по-видимому, намеревался сесть за стол со своими боевыми сослуживцами, а что когда-то служил с ними в войсках на Ближнем Востоке, вижу не только по наградам.

Я наблюдал искоса, как Дуайт коротко переговорил с ним, генерал бросил в мою сторону злой взгляд, явно заколебался, но чувство долга перед страной пересилило, молча кивнул.

Я стиснул челюсти и напомнил себе, что надо терпеть, эти люди не совсем адекватные, потому что еще совсем недавно в их представлении Россия лежала в руинах, а они с триумфом попирали ее копытами.

Теперь неприятная неожиданность: российские самолеты смеют летать всюду, подводные лодки с ядерными ракетами бороздят океаны, а сама Россия решается возражать против того, чтобы Штаты рулили всей планетой по своему разумению, единственно правильному и не подлежащему обсуждению всяких там русских и то ли существующих, то ли нет шведов!

Сигурдсон сел за стол напротив, Дуайт оказался между нами как бы посередине, что-то типа рефери на ринге.

– Надеюсь, – сказал он мне, – наша кухня не испортит вам желудок, мистер Лавроноф.

– Что вы, – ответил я любезно. – Мы народ, привыкший к трудностям, переварим все что угодно. И где угодно.

Он чуть нахмурился, военные везде ищут намеков на конфронтацию, а в данном случае он прозвучал, хотя и я сам не понял, что я сказал, просто сам тон и то, как говоришь, иногда говорят больше, чем сами слова.

Дуайт сказал приподнятым тоном:

– Доктор, но если взорвать ваши мины, они же сметут и этот ресторан!.. А вы попробуйте этот изумительный стейк!.. А эта королевская форель, ей нет равной в мире!..

– Или вот хамон, – сказал Сигурдсон и, придерживая вилкой, вонзил острие ножа в изысканно пахнущий кусок мяса. – Попробуйте!.. Дуайту нельзя, он еврей, но русским все можно!

– Русским можно все, – согласился я.

Дуайт сказал обидчиво:

– Чего вы решили, что мне хамон нельзя? Я люблю эту рыбу, частенько заказываю в ресторанах, а дома у меня в холодильнике хранится громадный балык.

Сигурдсон кивнул мне в его сторону.

– Видите?.. А в вашем Пентагоне евреев нет?

– Евреи, как и муравьи, – ответил я, – есть везде. У нас даже американцы есть.

Он вскинул брови.

– Не подумал бы...

– Пятая колонна, – пояснил я. – Но мы их вылавливаем и втихую расстреливаем.

– Прямо так и расстреливаете?

– А что делать, если не понимают намеков насчет пора валить в Штаты?

Дуайт помахал официанту, тот понял заказ по характерному жесту, принес большую бутылку шампанского и ловко откупорил, а Дуайт взял из его руки и разлил по фужерам сам, демонстрируя нам с генералом предельное уважение.

– Спасибо, Дуайт, – поблагодарил генерал. – Когда вас наконец-то выгонят за ваши сексуальные скандалы, я вас возьму в нашу сержантскую столовую.

Я спросил:

– А почему не в офицерскую?

Дуайт ответил моментально:

– А потому что генерала вот-вот разжалуют в сержанты. Видите, готовится!.. Так выпьем за то прекрасное время, когда мы были сержантами!

– Прекрасное было время, – подтвердил Сигурдсон с ностальгическим вздохом.

Мы подняли и сдвинули фужеры. Генерал выпил сразу, Дуайт, выказывая воспитание, только пригубил, сделал вид, что смакует, прислушивается к ощущениям, эстет хренов, затем с чувством отпил половину содержимого и опустил фужер на стол.

Я сказал доверительно:

– Генерал, поймите нас правильно. На самом деле в России любят Штаты!.. По нашим представлениям, это великолепная страна ученых, хай-тека, Голливуда и даже вашей великой Американской Мечты жить по совести и нести по всему миру просвещение, добро и прогресс.

Он смотрел все так же исподлобья.

– Тогда почему такая враждебность?

Я сказал с неохотой:

– Если бы не сволочи, что правят вашей страной, все в мире было бы в порядке! Тем более в наших с Америкой отношениях. И Америка бы в самом деле рулила планетой.

Он нервно дернул щекой.

– Мы тоже недовольны своим правительством, но это наше правительство! И мы его намерены защищать всеми доступными средствами. Хоть там, согласен, есть и дураки, и просто сволочи.

– А где их нет? – спросил Дуайт примирительно.

Похоже, мелькнула мысль, его именно потому и выдернули из полевых агентов, что умеет не только хорошо и метко стрелять, но и ладить с людьми.

Я ответил примирительным голосом:

– Мы постоянно критикуем свое правительство, но нас приводит в ярость, когда это делает кто-то из-за кордона.

– Вот-вот, – рыкнул Сигурдсон. – Вы критикуете! Наше.

– Это просто инстинкты стаи, – пояснил я, – в которой мы жили десятки миллионов лет. Эти инстинкты сделали нас теми, кто мы сейчас. И хотя у нас теперь разум, но вы же знаете, инстинкты все равно правят даже самыми светлыми гуманистами.

Дуайт перевел дыхание, мы с генералом не стали драться, по крайней мере за столом, поднял фужер с остатками шампанского, некоторое время любовался все еще поднимающимися со дна серебристыми шариками.

– И что же, – проговорил он медленно, – нам мешает перестать быть врагами?

– Инстинкты, – ответил я со вздохом. – Древние наши инстинкты. В стае должен быть один вожак, это для вас бесспорно. И вы душите всех молодых волков, осмеливающихся выказывать неповиновение. Россия это неповиновение выказывает... И вы окружаете ее военными базами. С нашей стороны летит несимметричная ответка: закладки по обеим сторонам побережья.

Дуайт сказал с тоской:

– Но это вызовет гибель мирных людей...

– Это для вас так важно? – спросил я.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– А вы как думаете?

– Думаю, – ответил я, – важно лишь потому, что погибнут ваши соотечественники. Не хотелось бы повторять, но не напомним, какая страна стерла с лица земли мирный Дрезден, город музеев, искусства и культуры, где не было ни одного военного завода и вообще не было солдат? А потом двумя атомными бомбами уничтожила Хиросиму и Нагасаки? Наверное, это прилетали совсем уж марсиане?

Сигурдсон сказал мрачно:

– Тогда это было необходимо.

– А почему, – поинтересовался я, – думаете, что это только вам можно, а другим запрещено?

Дуайт повторил так же невесело:

– Это было давно. А сейчас нужно воевать армией против армии.

– Да ну, – ответил я с сарказмом, чувствуя, что инстинкт берет верх и во мне, начинаю заводиться. – Эту доктрину вы сформулировали и начали пропагандировать по свету, когда ваша армия стала равна по мощи армиям всего остального мира?

– При чем здесь это, – сказал Дуайт с неудовольствием. – А как насчет гуманизма?

– Вы начали проповедовать этот выгодный вам вариант гуманизма, – напомнил я, – когда у вас появилось одиннадцать авианосцев, а у нас был спущен на воду наконец-то первый. Соотношение всего остального: ракет, самолетов, подводных лодок примерно такое же, один к одиннадцати. Да, в этом случае вы как бы справедливо предлагаете сражаться на равных. По-честному. По справедливости. Одиннадцать на одного!

– Это если вы начнете войну, – уточнил Сигурдсон победным тоном.

Я кивнул.

– Генерал, мы просто уравнили силы.

Сигурдсон вскинул бровь.

– Каким образом?

– Когда ботану в школе, – пояснил я, – маячит возможная стычка со здоровенным капитаном школьной футбольной команды, которой ну никак не избежать, он берет с собой нож, битую, а то и отцовский пистолет. Вот тогда у них шансы примерно равны.

– У вас больше шансов, – буркнул он. – Вы в самом деле готовились к третьей мировой!.. Я проконсультировался. Каждую бомбу включать в отдельности нет смысла, вся их сила в том, что рванут одновременно и создадут волну километровой высоты, что покатит на побережье, сметет там все города и покатит дальше. Спасутся только пастухи в горах!.. Это война на полное уничтожение противника.

Я повторил:

– Повторяю, мы не можем сражаться с вами армия на армию. Но слабое место Америки именно в том, что всегда было ее сильной стороной. Как Гитлер ни хотел бы вас стереть с лица земли, но сперва нужно было бы переплыть океан на другую сторону планеты. Межконтинентальных ракет, если вы вдруг не знаете, тогда не было. Однако сейчас эта изоляция от других стран играет против вас.

Дуайт произнес медленно:

– К тому же у Штатов с обеих сторон побережья опасные разломы... Не верю, что вы не воспользовались.

Я сделал вид, что не расслышал, но Сигурдсон тут же спросил с настороженностью:

– Что за разломы?

Я повторил как можно более мирно:

– Штаты несколько веков были в безопасности благодаря своему расположению на другой стороне планеты. И отделенные от Европы и прочего мира с обеих сторон океанами. Это было их сильной стороной... очень долго.

– До начала эры баллистических ракет? – уточнил Сигурдсон.

Я кивнул.

– Но и тогда Штаты сумели построить в какой-то мере неплохую защиту, хотя вы сами понимаете, из сотни пущенных из России ракет достаточно одной-двум прорваться сквозь заградительный огонь... и Америки больше нет.

Сигурдсон буркнул:

– Наши системы все время совершенствуются... Так что насчет разломов?

– Асимметричный ответ, – напомнил я. – Россия находится на самой толстой на планете и сплошной материковой плите без всяких трещин и разломов. На ней исключены как крупные землетрясения, так и геофизические катастрофы. А вот у берегов Соединенных Штатов ко всем неприятностям еще и по одному очень опасному разлому земной коры... С обеих сторон.

Дуайт сказал быстро:

– Когда в тех местах случается подводное извержение вулкана, цунами идет на берег... Но если там еще и установить атомные заряды...

Он не договорил, взглянул на меня. Сигурдсон напрягся, я тут же покачал головой.

– Сэр Дуайт, не страшайте генерала.

– Он бесстрашен, – буркнул Дуайт.

– За себя он не боится, – пояснил я, – а за Великую Американскую Мечту, если она еще жива... Словом, заверяю, в зоне разлома атомных мин нет.

Сигурдсон посмотрел на Дуайта, на меня и буркнул с неприязнью:

– Значит, бомбы наверняка там.

Он сделал глоток шампанского, но тут же отодвинул фужер и жестом велел официанту принести крепкий кофе и обязательно в большой чашке. Или в стакане.

Глава 8

Дуайт прислушивался к голосу, что донесся к нам с генералом из крохотной клипсы на его ухе. И хотя геем вроде бы какие-то льготы как лучшим людям демократии, но Дуайт носит ее на верхнем кончике уха, что малость комично, но Дуайт явно хороший специалист, раз уж пока что не уволили за нетолерантность.

Как уволят, сказал я себе, нужно будет завербовать его в наши агенты. Россия та же Америка, только сохранившая консервативные корни и Великую Американскую Мечту, что вообще-то не американская, нечего все лучшее объявлять своим, а вековая мечта о справедливом мире без насилия.

Дуайт отнял кончик пальца от уха, взгляд его прояснился. Сигурдсон сказал саркастически:

– Что, никаких мин нет? Это была шутка?

Дуайт ответил с заметным облегчением:

– Только что доложили насчет океанологов.

– Все утонули? – предположил Сигурдсон.

– У вас мрачное настроение, – ответил Дуайт с упреком. – Океанологи на подходе. Как раз закончим завтрак.

Генерал посмотрел на него с подозрением.

– Намекаете, чтобы мы набивали желудки заранее?

– Почему? – полюбопытствовал Дуайт.

Генерал указал взглядом в мою сторону.

– Судя по самодовольному лицу доктора Лавроноф, нас ждут неприятности. Да такие, что в обед кусок в рот не полезет.

– Это у меня самодовольное? – спросил я с изумлением. – Генерал! Я уже сказал, меньше всего я хочу неприятностей для Штатов!.. Как бы это ни смотрелось со стороны, но мы на одной стороне баррикады. Ваши журналисты уже и вас заставили поверить, что мы враги?

– А я ваших читаю, – буркнул он. – Думаете, они лучше?.. Но аксиома, что даже в одной команде бегуны стараются прибежать быстрее соратника по команде!

– Но не стоит подставлять ему ножку, – уточнил я. – И не спортивно, на что демократам вообще-то наплевать, так как это пережиток старорежимного рыцарства, которого в Штатах вообще не было, но, самое главное, это невыгодно для команды.

Дуайт со вздохом сожаления отодвинул пустую чашу.

– Надо было и мне, подобно генералу, заказать чашку побольше. Чувствую, день будет не просто трудным, а сумасшедшим.

– Доктор Лавроноф умеет радовать, – буркнул Сигурдсон. – Как вообще вся его сумасшедшая Россия.

Дуайт поднялся из-за стола, я закончил со своим кофе еще раньше и тоже поднялся. Генерал встал следом, грузный и важный, он же армия, а не какие-то секретные службы, что ни черта не делают, потому и держат все в секрете.

Дуайт на выходе в коридор придержал меня за рукав.

– Вы остановились в «Омеге»?

– Да.

– Как вам там?

– Все прекрасно, – ответил я. – Номер просто огромный.

– Обслуживание?

– На высоте, – ответил я дипломатично. – У вас же демократия, чуть что не так, сразу человека на улицу.

– Ну хоть не в тюрьму, – отпарировал он, – как в некоторых странах, не буду указывать пальцем.

– Пальцем указывать неприлично, – напомнил я, – но американцы такого слова не знают?.. Отель ваш?

– Числится за нами, – ответил он, – хотя политику ведет свою. Им главное – прибыль, а за те номера, которые бронируем на всякий случай, приходится все равно платить, живет там кто из наших или нет. То ли дело у вас, никакой коммерции! А кто пикнет, тому пулю в затылок и в канаву.

– Завидовать нехорошо, – сказал я с укором, – может быть, давайте я вас сразу перевербую?

– Надо подумать, – ответил он. – Сперва нужно досконально узнать, какие у вас льготы, премии, доступности...

– Посоветоваться с домашним юристом, – добавил я в тон.

– И психоаналитиком, – согласился он. – Как вы знаете, без совета с ним американец даже в носу не поковыряется.

В коридоре возле двери нашего зала уже стоят, переговариваясь, генералы и пара гражданских. Нас увидели издали, начали заходить в зал, как школьники при виде учителей.

Дуайт слегка замедлил шаг, Сигурдсон так же молча пошел вперед и присоединился к военным.

– У нас не только отель коммерческий, – сказал Дуайт тихонько, – но и весь мир коммерческий. Вас начнут приглашать на различные вечера, встречи, увеселения и всякое-всякое, потому пользуюсь случаем сказать пораньше, что завтра вечером вы приглашены на раут в Бэстхаус.

– Ой, – сказал я опасливо, – я же абсолютно не раутный человек!

– Положение обязывает, – ответил он. – Раз уж вы покинули лабораторию, то придется жить по таким прекрасно безобразным нормам современного общества.

– А без этого...

Он вздохнул, развел руками.

– Надо, мистер Лавроноф, надо.

Мы вдвинулись в зал, кое-кто уже сел, остальные оставались на ногах, беседуя. Я ответил с неуверенностью в голосе и мимике, чтобы прямолинейному в бытовых вопросах американцу было понятнее:

– Да не знаю, удобно ли...

Дуайт вздохнул.

– Мир Америки уже стар, доктор Влад. Даже когда рушится, традиции все равно блюдутся. Завтра и послезавтра уик-энд, а в это время даже президент страны играет в гольф и просит его не тревожить.

Сигурдсон, все равно не отходя от нас далеко, повернулся, морщась на такие непатриотические речи, лицо выразило полнейшее неодобрение.

– Вот так, – прорычал он с угрозой, – вся страна рухнет. Мистер Лавроноф это знает. Русские точно нападут именно в ночь перед субботой. И в гороскоп можно не заглядывать.

– Или с субботы на воскресенье, – сказал Дуайт, – когда все в чужих постелях... и никто не знает, где кого искать.

– Запишу, – ответил я. – Ценные сведения.

– Так что, – добавил он, – смело вливайтесь в наше старое прогнившее общество. Вы русский, для вас одежда свободная.

Некоторые из генералов ехидно, хотя и очень сдержанно заулыбались, я ответил кротко:

– В России научились носить костюмы от лучших портных раньше, чем открыли Америку.

Сигурдсон буркнул в сторонке:

– Что, Россия была во времена Колумба? Ни за что не поверю.

– Но вы правы, – договорил я, – Россия воспрянула из пепла, потому снова молодая и полная силы. Может прийти в шикарном костюме, а может, выказывая молодые бицепсы, и в футболке с короткими рукавами.

Дуайт сказал с непонятной ноткой:

– Молодые всегда стремятся применить свою силу.

Я ответил с тонкой улыбкой, похожей на лезвие десантного ножа:

– Мудрых голов в правительстве хватает. Хорошо, за приглашение спасибо, но до вечера еще дожить надо! Я же в Пентагоне, урочище Зла и цитадели Мордора.

Дуайт запротестовал:

– Эй-эй, это же у вас Мордор!

– Точно? – переспросил я. – Ну тогда ладно...

Сигурдсон сказал нервно:

– Вы так с ходу серьезные вопросы не решайте! Может быть, все-таки Мордором лучше быть нам. Как-никак империя, порядок, прекрасная дисциплинированная армия...

– За вами вечером в отель придет машина, – пообещал мне Дуайт и оглянулся в сторону двери. – Где же океанологи?

Джон Арнольд, как чертик из коробки, моментально появился в дверном проеме.

– Идут-идут!... – заверил он быстро. – У них возникли какие-то затруднения с пропусками.

– Серьезные? – спросил Дуайт.

– Нет, – заверил Арнольд. – То ли помяты, то ли показали вверх ногами. Это же ученые! У них все не как у людей.

Дуайт кивнул, а я спросил:

– Океанологи... это специалисты по рыбам?

Он покачал головой.

– И не по ракушкам. Вы же сами сказали, у нас морское дно с обоих берегов очень уж непростое. Потому изучают его очень тщательно.

Приблизился один из генералов, имени которого я не должен знать, так как не назывался, но это генерал Джон Дейли, отвечающий за координацию, специалист по тактике, живет в Аризоне, женат третьим браком, двое детей от первого, один от второго и ничего от третьего, но зато в третьем счастлив. В доме собака по имени Бобби и черепашка Ники...

– Какого типа остальные мины? – спросил он у меня требовательно. – КК-45, или КА-87?

Подожли, прислушиваясь, еще несколько человек. Я вскинул руки.

– Господа, господа... Хотя вернее называть вас коллегами, я прекрасно понимаю вашу некоторую озабоченность атомными закладками вдоль обоих разломов у берегов вашей страны... но я действительно не в курсе! Я прибыл с целью координации и совместных действий насчет глобальных катастроф для всего человечества. Не для России или Америки, а для всего нашего вида. Биологического.

Генерал сказал настойчиво:

– Но именно вы сообщили нам про эту атомную мину...

– Только потому, – напомнил я, – что мне самому сообщили и просили передать вам информацию. Как я уже говорил, это не чья-то злая воля, а виной подводное землетрясение. Его зафиксировали все ваши сейсмические станции. Это не чей-то злой умысел, повторяю. Злой умысел произошел бы, если бы мы позволили найти ее не вам, а кому-то еще...

Сигурдсон постоял, прислушиваясь, сказал густым взрывающимся голосом:

– Но вы должны понимать наше беспокойство, доктор Лавроноф. Сильнейшее, я бы сказал, беспокойство. И еще я бы кое-что сказал...

Дуайт сказал торопливо:

– Генерал, умоляю! Мы не на полигоне, где ваши танкисты опрокинули в болото танк... или всю бригаду.

– Не беспокойство, – уточнил генерал Дейли. – А тревогу.

– Даже тревогу, – подтвердил Сигурдсон. – Одно движение пальца в далекой России... и гигантская волна смоем девяносто процентов населения нашей страны! Разрушит все города, все-все...

Я сдвинул плечами.

– Вы же отказывались понимать наше беспокойство вашими базами у наших границ? Вы окружили ими всю Россию, как волка красными флажками!

Сигурдсон сказал обозленно:

– Но никто из нас не собирается начинать войну!

– Из нас тоже никто, – ответил я.

– А мины зачем?

– Опять за рыбу гроши, – ответил я. – Мины лежат там не первый год... Хотели бы уничтожить Америку, давно бы рванули все разом. И, заметьте, ни одной мины с того времени не добавили!

Сигурдсон хмыкнул.

– Потому что все равно, всадить в затылок одну пулю или десять.

– Как это все равно? – переспросил я. – А удовольствие? Фрейд вас бы не понял.

– Верно, – сказал Дуайт приподнято, явно стараясь свести все к шутке. – Почему в затылок? Все по-честному. В лоб. Так интереснее, потом аппетит лучше.

– Или в переносицу, – добавил генерал Дейли. Подумал, сказал задумчиво, – а есть разница? Что-то неспокойно теперь буду спать...

– Однако же, – напомнил я настойчиво, – вы продолжаете перебрасывать из Штатов через океан на свои базы у наших границ атомное оружие!

Спохватился, что-то меня заносит, в самом деле прибыл по другому делу. То, что это они старательно сворачивают на тему атомных закладок вдоль разлома, понятно, но как-то я слишком уж манипулируем, что вот так поддаюсь, хотя вообще-то здесь все опытные политики, простаков не замечаю, кроме себя самого.

Понятно, у них возникло подозрение, что таким образом мы напоминаем насчет реального существования закладок, а то часть военных экспертов в Пентагоне продолжает утверждать, что распад СССР не позволил осуществить планируемое размещение атомных мин вдоль побережья Соединенных Штатов.

И сейчас понимают, что за такой срок мощь ядерных зарядов многократно возросла, а средства доставки и установки упростились до предела.

Такие мины теперь можно сбрасывать с любых пассажирских или транспортных кораблей еще задолго до территориальных вод США, а там мины сами доберутся до указанного места и зароятся на указанную глубину, где и будут терпеливо ждать сигнала.

Похоже, генералы все это прекрасно понимают, хотя некоторые узнали наверняка только вчера поздно вечером...

Сигурдсон хотел спросить еще что-то, но дверь распахнулась, Джон Арнольд почти впихнул молодого мужчину в расстегнутой рубашке и с небольшим старомодным портфелем в руке.

Дуайт кивнул Арнольду, тот поспешно отступил в коридор и закрыл за собой дверь. Дуайт подошел к прибывшему, протянул руку.

– Мистер Шейн? Кен Шейн?

Тот ответил на рукопожатие, огляделся.

– Да, я Шейн... что случилось такое срочное? Меня прямо с лекции увели!

– Нужна консультация опытного океанолога, – объяснил Дуайт. – А на вас указали как на лучшего.

Шейн пробормотал настороженно, но чуточку польщенно:

– Надеюсь...

– К тому же, – добавил Дуайт, – вы работаете по военным заказам, так что никакого нарушения режима секретности.

– И по военным тоже, – возразил Шейн, – но вообще-то я гражданский специалист и свои права знаю.

– Никто их не ущемит, – заверил Дуайт.

– Надеюсь, – ответил океанолог с понятной настороженностью.

– В общем, – сказал Дуайт, – только что на берег выкатило атомную мину, заложенную еще Советами. Ядерную. Проконсультируйте как специалист, насколько это реально и насколько опасно.

Океанолог в изумлении вскинул брови.

– Атомный взрыв? Но это не совсем моя специальность.

Сигурдсон сказал в нетерпении:

– Советы установили пояс таких мин вдоль нашего побережья! В океане на морском дне.

– А-а-а, – сказал океанолог обрадованно, – как интересно! Да, это как раз моя специализация. Не мины, конечно, а морское дно у наших берегов и его непростые особенности.

– Рад за вас, – буркнул Сигурдсон. – Хоть кто-то обрадовался такой новости.

Глава 9

Океанолог не понял или не захотел понимать, на глазах буквально расцвел, явно работа скучная, а тут такой подарок, можно блеснуть эрудицией, сказал с апломбом:

– Не найдется файла с картой морского дна восточного побережья?.. Или западного, если попадется первым... Да, сразу на экран. На главный. Спасибо, очень хорошее разрешение. Позвольте...

Он подошел к стене, подвигал в воздухе пальцами, увеличивая отдельные участки изображения, чувствуется опыт и знание темы, эрудированный парень, к тому же посвятивший себя изучению морского дна с удовольствием, а не потому, что кому-то надо.

Все, по-моему, тоже заметили, что океанолог свою работу любит не за жалованье, когда он сказал с апломбом:

– Беда в том, что достаточно подрыва всего одной-единственной мины, если расположить ее в зоне разломов Сан-Андреас, Сан-Габриель или Сан-Хосинто!

– Почему так? – спросил с настороженностью в голосе Сигурдсон.

Океанолог покровительственно сообщил:

– Там земная кора тонюсенькая, а магма, соединившись с океанской водой, усилит мощь взрыва в десятки раз!

Кто-то в зале отчетливо выругался. По некоторым лицам я понял, это ухватили моментально, но Сигурдсон, хоть тоже вроде бы понял, но поинтересовался больше для других:

– Что это даст?

Океанолог радостно сообщил:

– Высота цунами будет уже от полутора километров до двух! Представьте волну полнейшего разрушения, что сметет все живое и все постройки на расстояние свыше двух тысяч километров!

По некоторым лицам я понял, генералы пытаются вспомнить, сколько тысяч километров от восточного побережья до западного.

Океанолог продолжил с радостным энтузиазмом:

– Пары горячей воды возгонятся в атмосферу и тут же, охладившись, обрушатся чудовищными ливнями, что уничтожат всякую жизнь и разрушат все оставшиеся постройки в пустыне или в горах!

Генералы с мрачной яростью обратили на меня взоры. В эти мгновения показались в самом деле похожими на символ Штатов, кого-то из стервятников, вроде белоголового орлана.

Я ощутил невысказанные вопросы, покачал головой.

– Насчет разломов можно не беспокоиться. Этот проект был отвергнут. А знаете почему?

– Из свойственного Советам милосердия, – сказал Сигурдсон саркастически.

– В Советах тоже были прагматики, – напомнил я. – Это саму революцию делали романтики, как и всегда, все революции их рук дело, но романтики править не могут, а взявшие власть прагматики мыслят... э-э... прагматично.

– Закладывают мины? – спросил Сигурдсон с тяжелым сарказмом.

– Одни окружают нашу страну военными базами, – ответил я, – другие в ответ минируют побережье Штатов. Ответ адекватен!.. Именно адекватен, потому никаких закладок по разлому.

Я кивнул океанологу, тот понял насчет брошенного ему мяча и сказал уже с меньшим апломбом ученого:

– Проект мог быть отвергнут именно из-за тектонической активности, инициированной взрывом. Почти наверняка проснется Йеллоустонский вулкан. Верно я говорю?

Я кивнул.

– В точку.

Он сказал чуть бодрее:

– Обратная волна наверняка смоет Европу. Что для Советов хорошо, так это...

– Советов уже нет, – напомнил я. – Есть Россия, что вас радует меньше, я понимаю.

– Да-да, – сказал он торопливо, – это я так, по привычке. У нас многие еще так говорят.

– Отвыкайте, – посоветовал я. – Россия крепче орешек, чем были Советы. Кое-кто из вас уже понимает, почему.

– Это видим, – сказал от стола Дуайт, – так почему отказались?

Океанолог пояснил:

– С Европой смоет и весь НАТО, что для России хорошо и даже приятно, все любят подарки, однако сильно повредит и двум-трем регионам самой России. Хотя, конечно, Россия находится гораздо выше, чем Европа, та уже и сейчас кое-где ниже уровня моря.

– Спасибо, – сказал я вежливо. – Хороший и точный ответ. Как видите, руководство России даже не рассматривало такой катастрофический сценарий.

Сигурдсон, похоже, выразил мнение всего генералитета в зале, когда спросил едко:

– В самом деле не рассматривали?

– Не слишком дотошно, – уточнил я. – Одно дело, стереть с лица Соединенные Штаты, если слишком уж будут нарываться, другое дело – Европу с двумя-тремя нашими регионами... Но я не знаю, откуда такая тревога? Это же вариант на самый крайний случай! Вы же сами уверяете, что Штаты не собираются нападать на Россию? И что военные базы не будут придвигаться все ближе и ближе?

Они переглянулись, на лицах справедливое негодование. Одно дело, когда они придвигают свои военные базы с ракетно-ядерным вооружением к кому-то на границу, другое – когда кто-то приближается с ядерной дубиной в руке к их землям.

Дуайт сказал дипломатически:

– Мистер Лавроноф, вы должны нас понять. Вы хоть и прибыли совсем по другому поводу, но именно вы любезно сообщили такую страшноватую вест... потому мы никак не можем перейти к теме борьбы с международным терроризмом...

– К теме глобальных катастроф, – уточнил я. – С международным терроризмом пусть борются другие структуры, старые и ленивые.

– Но почему же...

– А где результат? – спросил я. – Вы люди военные, потому можем говорить откровенно, не так ли? Мы в России не образец поведения, понимаю... да и нет таких образцов!.. но когда находим тварей, жаждущих уничтожить человечество или хотя бы его немалую часть, то давим их самих, как тараканов. Без суда и следствия, так как насчет их судеб просто не может быть двух мнений.

Дуайт проговорил с достоинством:

– У нас правовая система. Даже для таких людей. Никто не может быть приговорен без суда и следствия.

Я покосился на генералов, они дипломатично промолчали, а я, высказывая их зажатое в кулак мнение, поинтересовался:

– А когда идет война, вы каждому солдату на той стороне предъявляете обвинение по суду?..

Генералы посмотрели на меня с интересом, а Дуайт сказал мрачно:

– То война...

– С террором идет война, – отрезал я и покосился на генералов, вроде бы начинаю набирать очки. – Беспощадная!.. Тем более с замышляющим уничтожать нас целыми странами.

Сигурдсон сидит с каменным лицом, молчит, как две рыбы об лед, но чувствую, как от него идет волна понимания.

Дуайт прислушался к зажиму на ухе, сказал с облегчением:

– Фрэнк Вачмоуг и Крис Реншоу уже прибыли. Оба возглавляют в своих городах Центры по изучению рисков глобальных катастроф!.. Сейчас они входят в лифт.

Генерал Сигурдсон произнес жирным голосом:

– Полагаю, им для обсуждения своих проблем лучше выбрать более уединенное помещение. А мы здесь пока подумаем над сложившейся ситуацией. В более репрезентивном кругу.

Дуайт повернулся ко мне.

– Мистер Лавроноф?

– Да, – ответил я. – С удовольствием.

Он посмотрел на меня хитро, мы вышли в коридор, там шепнул едва слышно:

– Хорошо я вам подыграл?

– Даже замечательно, – пробормотал я. – Я поверил, что все искренне.

– Я искренне, – ответил он с сокрушенным видом, – но умом понимаю, что на это время демократию нужно отложить.

Я смолчал, на мой взгляд, именно демократия привела наш мир к этому расцвету, но в нынешних условиях в самом деле придется ограничить в ее вольностях, а потом отложить, и, полагаю, доставать вольности из того пыльного чулана уже не придется.

Из лифта вышли двое в гражданском и одетые с некоторым бунтарством в цветные рубашки с короткими рукавами и брюки с укороченными штанинами, что не закрывают щиколоток.

Дуайт кивнул мне, я пошел с ним рядом навстречу гостям. Более рослый протянул руку Дуайту, угадав в нем старшего, потом мне.

– Фрэнк Вачмоуг, – представился он. – Что же у вас такое стряслось?.. А это существо со мной рядом Крис Реншоу. Вы не смотрите, что он такой... он вообще-то разумен.

Дуайт посмотрел на обоих, напряженное лицо чуть дрогнуло в подобии улыбки.

– Ребята, как я вижу, вас сдернули с рабочих мест и не покормили в дороге? Тогда пойдемте в зал совещаний через кафе. Здесь это близко...

– На стыке корпусов, – сказал Фрэнк, показывая, что бывал здесь, знает. – Как и везде, чтобы сэкономить площадь. Прекрасная идея! Я в самом деле готов стол сгрызть, если не принесут быстро подкормиться.

Его напарник сказал в нерешительности:

– Может, пусть нам в зал принесут кофе и бутерброды? Чтобы не терять время?

Фрэнк воскликнул:

– Ты чего? Здесь знаешь какие цыпочки ходят?.. После президентского указа насчет заполнения квоты для женщин сюда набрали с вот такими!.. Все равно из них понятно, какие работники, так хоть пусть своим видом радуют и поднимают... ну да, настроение.

Дуайт посмотрел на меня, я понял, кивнул.

– Мне добавочная чашка кофе еще никогда не мешала.

В ресторане я с ходу заказал кофе, Дуайт велел принести и ему, но, глядя, как уминают бифштексы Фрэнк и Крис, разохотился и заказал нам еще и по бутерброду с сыром.

Фрэнк ест быстро, запивает красным вином, его в очередной раз объявили полезным, как и белое, а настоящий американец всегда держит нос по ветру и соблюдает тренды, Крис пожирает медленно и безостановочно, как комбайн силос.

Мы с Дуайтом наслаждались кофе, цэрэушник тоже из тех нормальных, для кого кофе никогда не бывает много.

– Это здорово, – сказал Фрэнк с набитым ртом, – выходит, и в России начали задумываться над такими проблемами?

Я смолчал, Дуайт ответил с усмешечкой:

– Кто-то из великих вроде бы сказал, что русские долго запрягают, но потом их не останавливать?

Фрэнк спросил с живейшим интересом:

– Это как?

– Русские уже запрягли, – объяснил Дуайт. – И поехали... Нам придется догонять. Но сейчас мы сами тормозим миссию, с которой прибыл доктор Лавроноф. Он прибыл по установлению контактов и обмену информацией, а тут...

Крис только зыркнул над тарелкой, а Фрэнк сразу спросил живо:

– Что-то случилось? Я заметил, все какие-то нервные...

– Странно, да? – спросил Дуайт. – Когда нервничают генералы, все страна прячется под столы. Потому их учат быть всегда спокойными и величественными.

– Зря нервничают, – ответил я успокаивающе. – Вы, как коллеги и даже соратники, поймете лучше. Я имею в виду: мне коллеги, не генералам.

Фрэнк кивнул.

– Да, это точнее. Соратники.

– Принимаю уточнение, – сказал вяло Крис. – Вообще ученые... один народ и одна нация. И даже одна вера.

– В чем бы, – сказал я, – и как бы наши страны ни соперничали, сейчас у нас один враг. Стопроцентный враг как для вас, так и для нас. Разумеется, и для остального человечества, хотя оно нас интересуется меньше, простите за откровенность.

Глава 10

Они слушали внимательно, даже грубую шутку проглотили с таким видом, словно от русского ничего не ждут иного, но на лицах скрытая заинтересованность и чисто человеческое желание демократов понять, что обломится им лично.

Фрэнк поинтересовался с прежней настойчивостью:

– А что случилось? Нас оповестили еще вчера, но у вас возникли какие-то непредвиденные сложности...

– Не у меня, – ответил я. – Здесь... хотя да, сообщил я.

– А что...

– К нам не имеет отношения, – успокоил я.

Дуайт сказал с невеселой усмешкой:

– Но чашки поставьте, а то вдруг обольетесь. У меня и то руки дрогнули, а сердце ушло в пятки. Доктор Лавроноф?

Я кивнул и продолжил несколько деревянным голосом:

– Просто еще в древние времена Хрущева наш академик Андрей Сахаров предложил Лаврентию Берию, который тогда курировал наши атомные проекты, смыть Америку вообще с лица земли. Гигантская волна пришла бы со стороны Атлантики и смыла, как пыль на асфальте, Нью-Йорк, Филадельфию, Вашингтон и чертов Пентагон.

Оба застыли, глядя на меня остановившимися глазами. Наконец Фрэнк прошептал:

– Это... это всерьез?

– Такие были времена, – сказал я успокаивающе. – Правда, сейчас еще хуже, но это не важно, мы же привыкли?..

Дуайт пробормотал:

– Человек ко всему привыкает. Даже странно... где предел?

– Если всего одну, – сказал я, – но достаточно мощную бомбу расположить на западе, то цунами с той стороны разрушит Сан-Франциско, Лос-Анджелес и остальные тамошние города.

– Боже правый, – пробормотал Крис так, словно воскликнул.

– На побережье Мексиканского залива, – закончил я, – будут уничтожены Хьюстон, Новый Орлеан и прочее-прочее, а самое главное – на берег выбросит сотни подводных лодок из бухты и доков, все стоящие на приколе авианосцы и вообще весь флот.

Крис поинтересовался, сам как будто не веря тому, что произносит:

– Все порты и морские базы на западном и восточном побережье будут разрушены?

– Целиком и полностью, – подтвердил Дуайт с язвительной любезностью.

Я кивнул.

– Академик Сахаров считал это морально приемлемым, у нас такая особая интеллигенция. Правда, Капица, Тамм и другие величайшие ученые всячески отговаривали его от такого людоедского поступка. Но окончательную точку поставил командующий военно-морским флотом Советского Союза, который заявил, что отказывается принимать на вооружение то, что уничтожит и мирное население. Это к тому, что какие у нас интеллигенты, и какие меднолобы. С моральными принципами.

Фрэнк спросил шепотом:

– Но... мины все-таки поставили?

– Намного позже, – сказал я успокаивающе.

Он посмотрел исподлобья.

– А что это меняет?

– Никто не собирался их ставить, – пояснил я. – Но когда ваши военные базы начали приближаться к России, охватывая ее в кольцо, тогда наконец и командование военно-морскими силами сочло приемлемым ответом начинать закладку атомных мин.

Я почти видел, как на Фрэнке вздыбливается звериная шерсть, а во рту выдвигаются волчьи клыки.

– Мы защищали, – сказал он, повышая голос, – своих союзников!

Я ответил так же ровно:

– А когда вы начали у наших границ размещать пусковые установки для ракет с ядерными зарядами, то военные переменили свою точку зрения, гуманисты сраные, и даже начали потопливать ученых. Так что, да, закладка атомных мин предельной мощности прошла именно тогда. Быстро, слаженно и с готовностью применить как только, так сразу.

– Оружие Судного дня? – спросил Фрэнк.

Я покачал головой.

– Что вы, что вы!.. В поисках Оружия Судного дня будем участвовать и бороться мы с вами. Я имею в виду, искать и уничтожать террористов нового поколения. А эти атомные мины у вашего побережья – пустяк, сметут с лица планеты всего лишь Америку. Уверяю вас, на популяции человеческого рода это не отразится. Почти не отразится.

Судя по их лицам, такое заверение почему-то совсем не успокоило. Крис пробормотал устранным:

– Всего лишь Америку... Хорошо сказано.

– Да, – подтвердил я. – А основная масса человечества не пострадает! Правда, здорово?

Оба смотрели на меня угрюмо, что-то мой оптимизм совсем не вдохновляет, а если это русские так шутят, то в жопу таких шутников... но когда у обоих берегов пояс из атомных мин, то и в жопу послать как-то рискованно.

– Вам это хорошо говорить, – буркнул Фрэнк. – А мне кусок в горло не лезет.

– Запейте, – посоветовал я. – Здесь прекрасное вино из самой Шампани. Не думал, что встречу, хотя на военные расходы в Штатах вбухивают самые огромные деньги, верно?.. Вообще предлагаю не отвлекаться на такую ерунду, как эти мины. В конце концов, мы с вами работаем над решением проблемы глобальных катастроф! А минами пусть занимаются люди попроще. Военные, разведчики, правительство...

Дуайт недовольно хрюкнул в чашку, допил остатки и отодвинул на середину стола.

– Да, конечно, вы же белая кость. Вообще-то я сразу, доктор Лавроноф еще летел над Атлантикой, разослал приглашения главам наших комитетов по изучению катастроф.

– Могли бы и пораньше, – сказал Фрэнк с неудовольствием. – А то бросай все, бегом на аэродром!

Дуайт развел руками.

– Но так как доктор Лавроноф прилетел без всякого согласования... мы только после его прилета поняли, почему такая спешка. Да и наших специалистов не удалось вот так сразу сорвать с мест. Все либо не могут оставить на помощников, либо в экспедициях...

– Но с нами доктора Фрэнк Вачмоуг и Крис Реншоу, – сказал я бодро, – а они крупнейшие специалисты.

Фрэнк сказал с неловкостью:

– Да ну ладно...

– Доктор Вачмоуг, – добавил я, одновременно просматривая Интернет, – опубликовал великолепнейший доклад о рисках генетических экспериментов, он размещен в журнале Science за январь этого год, а доктор Реншоу впервые свел таблицы рисков в одну схему, которую сразу же приняли на вооружение во всех наших учреждениях... в ваших, кстати, тоже.

Оба выглядели обрадованными, удивленными и польщенными, Фрэнк пробормотал:

– Спасибо за оценку... Работа Криса в самом деле помогла проталкиванию нашего дела в сенатских комитетах. Им только картинки и понятны, а он расписал все так, что и младенцы поймут.

– А твоя, – ответил Крис, – побудила создать еще один комитет по оценке рисков, связанных с экспериментами в генетике... Доктор Лавроноф, я просто уверен, что наше руководство будет целиком за более интенсивное вмешательство в эти... проблемы. В решение этих проблем.

– Отлично, – сказал я с облегчением. – Именно за этим я и приехал.

– Что предлагаете?

– Мы должны установить надежный канал по обмену информацией. Потому что, как ни крути, а основная тяжесть ложится на плечи России и Соединенных Штатов. Вижу, сэр Дуайт хочет уточнить, что не на плечи России и Штатов, а на плечи Штатов и в некоторой степени России, но хочу напомнить, что мы уже начали выжигать эти гнезда по всему миру. Пусть у нас меньше сил, но мы уже воюем с мировым злом, а вы все еще запрягаете.

Дуайт сказал примирительно:

– Не так важно, кто начал раньше. Вы правы, мы должны обмениваться информацией. Не сомневаюсь, у нас ее больше, но отдаю вам должное, вы нанесли удары сразу же. Быстро и решительно. У нас же гири в виде многочисленных сенатских комиссий и прочих-прочих комитетов по контролю над военными.

Фрэнк сказал с некоторой завистью:

– Вам в России везет. Последние руководители страны либо из КГБ, либо из военных, потому у вас все исполняется быстро.

Лицо Дуайта стало отстраненным, некоторое время прислушивался, что ему передают прямо в ухо, потом вздохнул и сказал мрачно:

– Сейчас сообщили, завтра в расширенном заседании нашего комитета примет участие генерал Барбара Баллантэйн. Из сенатского комитета по контролю за нашими действиями.

Я нервно дернулся.

– А это еще кто?

– Чума, – ответил Дуайн невесело. – Гроза военного бюджета. Она и есть глава по расходованию бюджетных средств в армии. И вообще надзирает за нами так, словно мы в концлагере.

– Эх, – сказал я. – А без нее никак?

– А куда денемся? – буркнул он.

– Но вы же армия! И секретные службы!

Он покачал головой.

– Хотите, чтобы нас обвинили в подготовке международного заговора с целью захватить власть?

– Чего-чего? – перепросил я, не веря своим ушам.

Он объяснил раздраженным голосом:

– У нас демократия, рты всем не заткнешь. А любителей проверять чужие карманы у нас поощряют.

Фрэнк буркнул:

– В России тоже к тому идет.

– Там КГБ правит всей страной, – напомнил Дуайт. – На таких условиях и я бы не отказался. Но когда приказы нам отдают вздорные бабы...

Он осекся под строгим взглядом Криса, поспешно улыбнулся, сводя все к шутке, но все равно у меня осталось впечатление о нарочито допущенном как бы проколе, чтобы намекнуть мне на некую общность наших позиций насчет крепкой руки на посту главы государства.

Я спросил с вежливой настороженностью:

– А насколько у нее много власти?

– Больше, – сказал Дуайт невесело, – чем у нас.

– Ого!

– В смысле, – добавил он, – без ее разрешения и чихнуть нельзя.

– А она... специалист?

Он посмотрел на меня в изумлении.

– Шутите? Она политик. А политики не бывают специалистами.

– Это специалисты подковерной борьбы, – уточнил Фрэнк. – Кому подставить ногу, кого ударить в спину, подсунуть компромат, пустить слухок... Кофе был великолепен! Я готов.

Крис поднялся следом за ним, мы с Дуайтом вышли из-за стола. День начался неплохо, как мне кажется, хотя с мелкими шероховатостями и трениями.

Посмотрим, как пойдет дальше.

Дальше пошло, как ни странно, намного лучше. У Фрэнка и Криса материала собрано столько, что моей группе набирать еще сто лет, но в Штатах таких центров по оценке катастроф десятки и работают не первый год.

Я просматривал, охал и ахал, хотя, конечно, практически все уже просмотрел в инете раньше и сделал выводы, но мне обязательно нужно сослаться на что-то, не раскрывая себя, потому наконец сказал в изумлении и восторге:

– Коллеги, это просто чудо. У вас такие наработки... Сэр Дуайт, вы видите, насколько риски велики?.. Вот здесь вот-вот рванет, а вот отсюда эпидемия не позже чем через две недели пойдет сперва по штату Небраска, а потом захватит соседние и оставит... несколько миллионов трупов...

Дуайт остро взглянул на Фрэнка.

– Это верно?

Фрэнк, в свою очередь, посмотрел на меня.

– Я бы сказал, дорогой Дуайт, мы все встретили в лице доктора Лавроноф крупнейшего специалиста. Он сразу выявил самые больные места...

Я уточнил:

– Самые больные вообще-то Айова и Миссури....

Фрэнк кивнул.

– Да, верно, я неточно выразился. Это не самые больные, а те, которые вот-вот... В то время как Аризона и Невада приведут к масштабной катастрофе где-то через полгода.

Дуайт выругался.

– И что руководство?

Фрэнк потемнел лицом, а Крис ответил непривычно для его мягкого лица злым голосом:

– Я бы посоветовал вам срочно продать недвижимость, если у вас есть в Калифорнии, забрать оттуда семью, уговорить покинуть хотя бы на время близких друзей... Остальное население, как догадываетесь, обречено на гибель с нашей политикой все досконально прорабатывать в сенатских комитетах и подкомитетах.

Я сказал с сочувствием:

– Вообще-то закон о предварительном слушании в комитетах и подкомитетах очень хорош и правилен, позволяет избежать неверных и просто поспешных решений, но сейчас все ускорилось и все ускоряется... Время другое, нужны другие законы.

Дуайт огрызнулся:

– Своей стране указывайте!

– Вы правы, – ответил я мирно. – Время другое для всех стран, и законы должны меняться везде. Кто не успеет, тот погибнет. Давайте выделим еще несколько самых явных и... понятных для тех, кто решает. А дальше сэр Дуайт понесет своему руководству, а оно, видимо, президенту.

– Если не побоится, – сказал Фрэнк невинно.

Дауйт сказал недовольно:

– Это у вас так. Сразу президенту, а он своим приказом, а то и просто телефонным звонком велит найти и уничтожить. Тем более когда вы уже нашли.

Я сказал со вздохом:

– Ребята, не нападайте на меня. И на Россию. Вы в свое время, якобы борясь с Советским Союзом, на самом деле желали, чтобы он существовал как можно дольше, постепенно слабея и слабея. Мы же, следуя вашей логике, должны поддерживать нынешний строй Штатов и всю уже неэффективную систему. Но мы хотим вам добра...

– А почему таким угрожающим тоном? – спросил Фрэнк.

Я кивнул, показывая, что шутку понял, сказал как можно более убедительнее:

– Те из нас, россиян, кто критикует вашего президента за слабость и нерешительность, на самом деле жаждут более активных действий Америки! Да, новый может попереть и против России намного активнее нынешнего, но по нашим прикидкам все же вместе с Россией ударит по настоящим врагам. Те к тому времени станут еще сильнее и наглее, потому опасности для человеческого рода возрастут. И Америка увидит, кто враг на самом деле.

– Это верно, – сказал Фрэнк невесело, – позвольте познакомить еще и вот с этими материалами...

Но в его сдержанном голосе я уловил гордыню, есть чем побахвалиться перед русскими, у которых пока только-только начал работать первый центр, а в Штатах их уже с десятков, и собирают материалы не первый год.

Глава 11

Крис вывел сразу на все экраны содержимое полдюжины папок, наперебой с Фрэнком принялись комментировать и прояснять неясные моменты.

На мое удивление, даже Дуайт врубается сразу, что значит хорошая общая подготовка старшего агента ЦРУ, где дураков не держат, а если кого и берут по протекции да по знакомствам, то держат на непыльной работе, откуда никакого влияния не оказывают, кроме нагрузки на федеральный бюджет.

Так проработали до вечера, дважды прерываясь на кофе и сэндвичи, наконец Дуайт взглянул на часы и охнул:

– Ого!.. Что-то мы заработались. Ребята, давайте прервемся до завтра. Фрэнк и Крис, вам тоже нужно отдохнуть, а с утра продолжим.

Фрэнк поднялся, сладко потянулся с протяжным завыванием.

– Да, понимаю. Для вас нагрузка слишком уж...

Дуайт кивнул.

– Да-да, мне привычнее стрелять и ножом по горлу. А вы думать заставляете!

– Тяжело? – спросил Фрэнк с сочувствием.

– Мускулатура мозгов уже ноет, – признался Дуайт. – Чувствую, как молочная кислота все там щиплет и разъедает...

– За ночь рассосется, – успокоил Крис. – Мозг достаточно пластичен. Хотя насчет мозгов специальных агентов не уверен...

– У нас они каменные, – согласился Дуайт. – В общем, за ночь все осмыслится, утрясется. И подумаем, в каком виде стоит подать руководству. У нас это важно, все-таки Штаты – страна цивилизованная, без вождизма.

– Если не так подашь, – уточнил я, – можно и по голове получить?

– Это обязательно, – ответил он. – У нас все исполняется и дороги строятся!

Я мирно ответил на шпильку в адрес моей страны:

– Точно, страна просто прелесть, вот только народ в ней... ладно, смолчу, вы же все патриоты, хотя ваш патриотизм – наибольшая дикость и препятствие на пути к будущему.

Фрэнк и Крис начали собирать флешки и рассовывать по карманам, а Дуайт сказал мне дружески-настойчиво:

– От светского раута не увильвайте!.. Это один из лучших путей понять Америку. И самих американцев.

Я без всякого усилия изобразил улыбку: цивилизованные люди должны уметь высказывать любые эмоции в отличие от нецивилизованных, что все еще отвратительно искренни, лгут хреново и неумело, вызывая наше справедливое презрение более продвинутых в лицемерии, что неотъемлемая часть приличного воспитания и хорошего тона.

– Да, – ответил я, – конечно! А как же, помню-помню. Светские рауты... Подумать только, у американцев! Давно перестали ноги на стол забрасывать?

– Пришлю за вами автомобиль, – пообещал он с приятной улыбкой, но под ней прозвучало, что никуда не денусь, меня уже обложили, как русского медведя в берлоге. Под колпаком буду до той минуты, пока меня не посадят под белы руки в самолет на обратный рейс и не проследят, чтобы не выпрыгнул из самолета при взлете, как Шварценеггер в молодости. – Все будет в порядке, о технических деталях не беспокойтесь.

– Да какие беспокойства...

– Я тоже там буду, – добавил он с шутливой угрозой, – так что не увильнете.

– Спасибо, Дуайт, – сказал я. – Как бы я без вас жил?

Он улыбнулся.

– Не переигрывайте, американцы не все тупые. Ваш европейский юмор понимаем, если не совсем уж исчезающе тонкий, когда становится совсем плоским.

– В котором часу? – спросил я.

– Примерно в десять вечера, – ответил он. – Шофер позвонит за полчаса, а потом уже из вестибюля вашего отеля. Успеете собраться, каким бы бесстыдством ни занимались в нашей свободной демократической стране.

– Ничего, – заверил я, – чем-нибудь займусь до десяти. Лучше, какой-нибудь антиамериканской деятельностью.

Он приятно улыбнулся.

– Думаете, мы ждем чего-то иного? Вы, жители тоталитарных стран, ничего для себя, все для фатерлянда.

– Мы такие, – подтвердил я. – Сейчас что считается антиамериканской подрывной?

Он вздохнул.

– Мыслите устаревшими штампами? Это раньше антиамериканской деятельностью были только убийства и диверсии, а теперь список разбух так, что даже глава сенатской комиссии все с ходу не назовет.

– Как интересно, – сказал я заинтересованно, – вот развернусь!

– Все и я не знаю, – признался он, – доклад на двухстах страницах, но на последней видел харассмент, отрицание голодомора на Украине, в Молдавии, Уганде и еще двенадцати странах... и в конце страницы отрицание преимущественных прав геев и прочих еще не определившихся с предпочтениями сексуальных меньшинств...

Я переспросил опасливо:

– Только на последней странице?

Он сказал сурово:

– Не улыбайтесь так злорадно, доктор Лавроноф! Это вовсе не значит, что я хотел бы захвата Америки вашими большевиками на медведях!.. Я лояльный американец и патриот. У нас все патриоты, посмотрите только на флаги, торчащие из каждого окна!.. Думаете, это только из-за высоких штрафов для невывесивших? Ничего подобного, для американца такие штрафы раз плюнуть... В нас иногда просыпается русская натура, полная дури и беспечности.

– Но вообще-то американцы каждый пенс берегут, – напомнил я невинно. – Немецкая практичность, что легла в основу американской нации, рулит.

– Это уже американская практичность, – уточнил он. – У нас все американцы! Даже бывшие русские.

– Как у нас все были советскими, – ответил я так же невинно. – И тоже казалось, что так будет вечно... Хорошо, до встречи на приеме!

Он кивнул, а когда я шел к выходу, чувствовал его задумчивый взгляд между лопаток, похожий на сфокусированную красную точку лазерного прицела, малость смещенную в левую сторону.

В отеле к лифту прошел мимо распахнутых дверей ресторана, где успел увидеть мелькнувшую фигуру той стройной официантки, что Джемми Франклин, но я этого пока не знаю, зато знаю, что, пока общался в Пентагоне, сервер пополнился на сто двадцать терабайтов фото, роликами и и-мейлами со всех концов света.

Ничего особенного, по крайней мере для меня, а наше руководство в расчет не беру, там такие же люди, как и здесь, а это значит, смотрят только под ноги, чтобы не споткнуться или не наступить на мину, а вперед зрят не больше чем на два шага.

Я же, как трансгуманист, должен принимать в расчет только интересы человечества, а не местных царьков, как бы они ни назывались: президенты, премьеры, канцлеры, султаны, халифы или магараджи.

Потому то, что знаю я, не будет поставлено на службу ни моему правительству, ни чужому, так как для меня все немножко чужие, в смысле, рудименты прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.